

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

К 30-ЛЕТИЮ СОГЛАШЕНИЯ О СОЗДАНИИ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

РАСПАД СССР И БЕЛОВЕЖСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

М.И. Кротов,

профессор Санкт-Петербургского государственного университета
и Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
доктор экономических наук
mi-krotov@yandex.ru

В статье рассматриваются фундаментальные причины, а также стратегические и тактические ошибки советского руководства, обусловившие саморазрушение СССР. Показано, что участники Беловежского соглашения прямо связали международное признание их независимости с обязательством создания Содружества Независимых Государств как межгосударственного объединения с общим социально-экономическим и военно-стратегическим пространством, скоординированной внешней политикой и защитой языковых, этнических и культурных прав меньшинств. Проанализированы последствия искажения в современных условиях исторической памяти о Беловежском соглашении и невыполнении взятых в его рамках международных обязательств. Проанализированы последствия искажения исторической памяти о Беловежском соглашении и невыполнения взятых в его рамках международных обязательств.

Ключевые слова: распад СССР, СНГ, Содружество Независимых Государств, Беловежское соглашение, Соглашение о создании Содружества Независимых Государств, суверенитет и независимость бывших советских республик, интеграционные и дезинтеграционные процессы на постсоветском пространстве

УДК 339.924 ББК 65.5

8 декабря 2021 года исполнилось 30 лет с момента завершения процесса саморазрушения Советского Союза и подписания Соглашения о создании Содружества Независимых Государств, которое принято называть Беловежским соглашением [1]. Историческая память об этих относительно недавних событиях подвергается существенному искажению. Последние 10–12 лет существования СССР, на которые пришлись застой и перестройка, зачастую экстраполируются на весь советский период и тем самым неправомерно используются для обоснования неизбежности крупнейшей геополитической катастрофы XX века.

При этом СССР в учебниках истории западных и ряда постсоветских стран предстает чуть ли не примитивной колониальной державой. Как будто не было самой высокой в мире образованности населения, обеспечения его бесплатным отдельным жильем, мощной индустрии и науки, подъема уровня социально-экономического развития других республик СССР, бывших некогда отсталыми окраинами Российской империи, которое осуществлялось во многом за счет России. На этом умолчании строится антироссийская и антиинтеграционная, антиевразийская пропаганда, которая молодым населением бывших советских республик, выросшим за последние тридцать лет, воспринимается как правда.

Сквозь призму искаженной памяти рассматривается и Беловежское соглашение, в котором, при всей трагичности распада СССР, была юридически закреплена возможность интеграции бывших союзных республик на новой основе — в виде Содружества Независимых Государств. Справедливая, но односторонняя критика Беловежского соглашения уводит в сторону от критики невыполнения этих обязательств рядом

государств. Подмена юридически точного названия «Соглашение о создании Содружества Независимых Государств» прижившимся бытовым вариантом «Беловежское соглашение» иногда приводит к возникновению в общественном сознании своего рода политической шизофрении: Беловежское соглашение — это «плохо», мы его осуждаем, а создание СНГ — это «хорошо», это позитивное явление. А между тем речь идет об одном и том же документе.

Беловежское соглашение как следствие саморазрушения СССР

Для объективной оценки исторической роли Соглашения о создании Содружества Независимых Государств необходимо помнить, что это Соглашение было следствием, а не причиной распада СССР. Почему же тогда на самом деле распался Советский Союз, победивший объединенную фашистской Германией мощь всей Европы, восстановивший разрушенную войной экономику и долгое время на равных соревновавшийся с объединенным Западом? Он распался из-за целого комплекса фундаментальных причин, а также из-за стратегических и тактических ошибок, совершенных руководством страны.

К фундаментальным причинам саморазрушения СССР, прежде всего, следует отнести принятие ленинского плана построения Союза в 1922–1924 годах. При создании СССР пришедшие к власти большевики **разделили исторически единое российское государство по национальному признаку на ряд частей, которые получили суверенные права, в том числе право свободного выхода из СССР.** Как справедливо отмечает в этой связи Президент России В.В. Путин, «в основание нашей государственности

была заложена самая опасная «мина замедленного действия». Она и взорвалась, как только исчез страховочный, предохранительный механизм в виде руководящей роли КПСС, которая в итоге сама развалилась изнутри» [2].

Другой фундаментальной причиной распада СССР стал **несправедливый порядок распределения доходов между республиками-донорами и дотационными республиками**. Часть национального дохода, производимого в России, а также — в меньшей степени — в Азербайджане и Туркмении (Казахстан стал рентабельным с 90-х годов), перераспределялась для покрытия бюджетных расходов в остальных союзных республиках. Это делалось в целях выравнивания в отстающих республиках уровня жизни и социально-экономического подъема.

В качестве примера в таблице 1 приводятся данные бюджета Грузинской ССР на 1989 год. Его расходы составили 4 295 184 тыс. рублей, их большая часть была покрыта за счет трансфера из союзного бюджета. Это были отчисления от общесоюзных государственных налогов и доходов и платежи государственных предприятий и организаций союзного подчинения — 2 281 080 тыс. рублей; средства, передаваемые из союзного бюджета на выплату разницы в ценах на скот и молоко, — 303 552 тыс. рублей; средства, полученные из союзного бюджета по взаимным расчетам, — 213 083 тыс. рублей [3].

Таблица 1

Государственный бюджет доходов и расходов Грузинской ССР на 1989 год

Доходы		Расходы	
Наименование статьи	Объем, тыс. рублей	Наименование статьи	Объем, тыс. рублей
Доходы, полностью поступающие в бюджет республики	909 469	Финансирование народного хозяйства	1 932 381
Отчисления от общесоюзных государственных налогов и доходов, платежи государственных предприятий и организаций союзного подчинения	2 281 080	Расходы, связанные с внешнеэкономической деятельностью	2200
Средства, подлежащие передаче из союзного бюджета на выплату разницы в ценах на скот и молоко	303 552	Расходы на финансирование науки и социально-культурных и прочих мероприятий, а также организаций	2 280 839
Средства, полученные из союзного бюджета по взаимным расчетам	213 083	Расходы на образование резервного фонда Совета министров республики	38 632
Прочие средства	588 000	Средства, переданные в союзный бюджет по взаимным расчетам	41 132
Всего доходов	4 295 184	Всего расходов	4 295 184

Для единой страны такая региональная политика была правильной. Однако, во-первых, на каком-то этапе качество жизни в союзных республиках обогнало качество жизни в РСФСР (например, снабжение в республиканских столицах было лучше, чем в городе областного значения Ленинграде). Во-вторых, индустриализация на Украине и в других республиках СССР по отношению к РСФСР приняла **не догоняющий, а опережающий характер**. В результате на флагамах российской индустрии годами не проводилась модернизация производства, а создаваемый ими доход шел на новое строительство аналогичных предприятий в союзных республиках. Считалось, что это решит проблему занятости в демографически благополучных регионах. На практике получалось наоборот: приходилось направлять туда квалифицированных инженеров и рабочих из России. Таким образом, ведущая республика СССР лишалась не только средств на новую индустриализацию и

модернизацию, но и теряла человеческий капитал из-за достаточно массовой «утечки мозгов» в другие республики. Все это вело к неэффективному использованию капитальных вложений, сокращению национального дохода в масштабах страны и обострению межреспубликанских противоречий.

Почему же недостаточно учитывались интересы ведущей республики СССР — РСФСР? Почему без ее согласия часть произведенного национального дохода и даже часть российских территорий незаконно передавались другим республикам?

Руководящей и направляющей силой в советском обществе была КПСС, которая имела республиканскую структуру во всех союзных республиках, кроме России. Поэтому республиканские интересы в центральных органах власти отстаивали руководители центральных комитетов коммунистических партий союзных республик, а интересы российских регионов — лишь руководители областных комитетов. Политические возможности первых секретарей ЦК компартии союзных республик, которые имели прямой допуск к Генеральному секретарю ЦК КПСС и Председателю Совета министров СССР, были на порядок больше, чем у первых секретарей обкомов России. Попытки после Великой Отечественной войны создать российскую компартию и объявить Ленинград столицей РСФСР закончились массовыми репрессиями в рамках «Ленинградского дела». По большому счету Россия не была «первой среди равных», как это провозглашалось, а в известной степени подвергалась политической и экономической дискриминации.

Практика тридцати лет независимости показала, что без постоянной экономической поддержки со стороны Российской Федерации в большинстве теперь уже независимых республик уровень жизни стал существенно ниже, чем в России, а в странах, выбравших прозападный, антироссийский курс, в том числе в прибалтийских республиках, произошла масштабная деиндустриализация экономики.

Еще одной фундаментальной причиной распада СССР был **догматический подход к марксистской теории и социалистической практике**. В XIX и начале XX века рабочий класс играл ведущую роль в обществе. Однако в условиях научно-технической революции, начавшейся во второй половине XX века, **передовую роль в социально-классовой структуре общества стали играть научные и инженерные кадры**. Поэтому широкое предоставление в конце 70-х годов экономических и политических привилегий работникам простого труда подрывало стимулы к научно-техническому прогрессу в СССР и обостряло противоречия между обиженной инженерно-технической и научной интеллигенцией и иждивенчески настроенным рабочим классом.

Именно догматическое понимание ведущей роли рабочего класса и необоснованное превышение его доходов над доходами инженерно-технических и научных кадров привело СССР к застою и отставанию в конкурентной борьбе с Западом. В этой связи мифом является распространенное утверждение, что СССР не выдержал гонки вооружений и поэтому распался. В гораздо худших послевоенных условиях до середины 70-х годов укрепление обороноспособности страны сопровождалось неуклонным ростом благосостояния людей. Взять хотя бы массовое переселение людей из коммуналок в отдельные квартиры. Переход на рыночные рельсы, включая приватизацию, совершенно не требовал всеобъемлющей конверсии оборонных предприятий, тем более что они всегда имеют двойное назначение и обеспечивают потребительский рынок высокотехнологичными товарами.

На фоне фундаментальных причин самороспуска СССР слабость и ошибки политического руководства страны привели к развалу экономики. Результатом форсирования роста заработной платы рабочих, необеспеченной товарным покрытием, стала **достигшая народно-хозяйственного масштаба диспропорция между совокупным спросом и предложением**. Свой вклад в резкое снижение покупательной способности рубля, а тем самым и стимулов к труду внесла сама по себе правильная антиалкогольная кампания 1985 года. В условиях товарного дефицита она подорвала доходную часть бюджета страны и способствовала росту теневого капитала.

К концу 1988 года из-за очередного необоснованного введения новых тарифных ставок и окладов у 50 млн человек, занятых в производственных отраслях, неудовлетворенный спрос населения вырос до 70 млрд рублей. При этом общая сумма денежных средств, принадлежащих населению, достигла 401,9 млрд рублей, что соответствовало расходам на покупку товаров и услуг в течение 12,2 месяцев [4]. Необходимо было принимать радикальные меры: либо в плановом порядке повышать в два раза цены, либо переводить экономику на рыночные рельсы путем масштабных экономических реформ. Однако руководство страны во главе с М.С. Горбачевым не пошло на повышение цен из-за боязни недовольства властью со стороны рабочего класса и вместо фундаментальной экономической реформы стало форсировать глобальные политические реформы, сопровождавшиеся непродуманными экономическими действиями.

Проблему спроса и предложения думали решить **наращиванием экспортных поставок сырьевых ресурсов на Запад**, однако неблагоприятная конъюнктура мирового нефтегазового рынка не позволила таким путем удовлетворить нарастающий спрос населения на потребительские товары. Выход из положения руководство СССР пыталось найти во **внешних заимствованиях**. Если в 1983 году внешний долг страны составлял 5,3 млрд долларов США, то в 1991 году он достиг 67,8 млрд долларов США, то есть вырос в 12,8 раза. И хотя в процентном отношении этот долг составлял лишь 3,6% от ВВП СССР, он в основном шел на приобретение потребительских товаров [5]. Поэтому западные страны через предоставляемые кредиты, а в большей степени даже через обещания кредитов, получили важный инструмент политического давления на руководство СССР.

Вместе с тем неправильно видеть только в иностранном вмешательстве причины саморазрушительной внутренней и внешней политики союзного руководства, да и партийно-политической элиты в целом. При гораздо большем долге Западу — 23,5% от ВВП в 1998 году [5] — и его доминировании в политике и экономике страны руководство Российской Федерации, тем не менее, решительно выступило против расширения НАТО на Восток и нападения на Югославию. Сам факт, что союзные и республиканские партийные лидеры в 1990 году дружно голосовали за отмену 6 статьи Конституции, говорит о том, что их вполне устраивала замена партийной власти на политические и экономические выгоды — пусть даже ценой распада государства.

В 1990–1991 годах в целях обеспечения первоначального накопления капитала советское правительство разрешило переводить безналчные деньги из фондов накопления и амортизации государственных предприятий в наличные средства малых предприятий, кооперативов, центров научно-технического творчества молодежи (НТТМ) на основе договоров с этими, как правило, аффилированными с руководством предприятий бизнес-структурами. Потоки наличных денег смели последние остатки товаров в магазинах, что привело к массовым протестам и краху СССР. В дальнейшем, в условиях независимой России, накопленные частным капиталом средства использовались в ходе ваучерной приватизации 1992 года для скупки государственных предприятий.

Главная ошибка процесса перестройки — **проведение политических реформ без опоры на экономические реформы**. Она привела не только к краху этих преобразований, но и к государственной катастрофе. Если бы все же в СССР при сохранении сильного, пусть и социалистического государства была проведена эффективная приватизация и большинство предприятий, кроме стратегических, получили частных хозяев, в том числе состоявших в партнерстве с государством, экономический интерес к распаду СССР был бы существенно меньше. Объявление союзной республики независимой непосредственно не влияло бы на структуру собственников предприятий. Эти собственники, скорее всего, были бы заинтересованы в сохранении СССР как единого государства с большим общим рынком. Тем более такой вывод был бы справедлив в отношении частных предприятий различных постсоветских республик как звеньев единого народ-

нохозяйственного комплекса. Однако возможность создания заинтересованности региональных элит в сохранении СССР через эффективную и своевременную приватизацию союзных и республиканских предприятий была упущена.

Политическая реформа в СССР строилась на идеологии гласности — проводимой государственными СМИ радикальной критике КПСС и действовавшей почти 75 лет социально-экономической системы. Эта критика фактически превратилась в критику самого государства, причем уже не только Советского Союза, но и исторической России. В республиках партийные и государственные органы акцентировали СМИ на трагических периодах истории, принимая общность народов СССР, пропагандируя преимущества выхода из его состава.

Опережающая по сравнению с Россией и достигнутая за ее счет индустриализация и модернизация ряда союзных республик обусловила их определенную техническую самостоятельность и породила заинтересованность республиканских элит в национализации союзных предприятий. Так, в 80-е годы на Украине были построены при помощи ленинградского Ижорского завода 12 ядерных реакторов и заложены еще три реактора из числа действующих сегодня и дающих 60% электроэнергии страны. В свою очередь новые, рассчитанные на 30 лет предприятия машиностроения, металлургии, химической промышленности союзного подчинения Украины должны были в рамках СССР часть своих доходов направлять на индустриализацию российских предприятий. Национализация украинской промышленности освободила ее от этих союзных обязательств.

Свой вклад в трагедию Союза внесла и международная политика СССР в период перестройки. Ликвидация Совета экономической взаимопомощи привела к потере огромного, основанного на переводном рубле общего рынка Центральной Европы. Одностороннее прекращение действия Варшавского договора создало угрозы для безопасности России и ее союзников, привело к потере серьезного рынка вооружений. Политически неоправданный и экономически необеспеченный вывод 600-тысячной группировки войск из Германии и других стран Центральной Европы, начавшийся в 1989 году, лег непомерной нагрузкой на государственный бюджет СССР и подорвал доверие вооруженных сил к руководству страны.

Сам процесс политического распада СССР был запущен уже в 1989 году, когда из правового поля единой страны вышли три прибалтийские республики. Руководство Союза, связанное политическими кредитами и закулисными договоренностями, не смогло или не захотело остановить процесс развала государства. В 1990 году Армения, Грузия и Молдавия приняли декларации о выходе из СССР, в которых заявлялось о полном переходе в республиканское подчинение союзной собственности и вооруженных сил.

3 апреля 1990 года был принят Закон о порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР [6]. В нем процесс выхода из СССР усложнялся необходимостью проведения референдумов в союзных республиках и их автономиях, а также осуществления обязательных консультаций по поводу судьбы территорий, переданных союзной республике в период существования СССР. Принятие такого закона говорит о политико-правовом признании возможности катастрофы СССР его руководством более чем за полтора года до подписания Беловежского соглашения. При этом закон был неприемлем для России, поскольку предполагал возможность выхода из ее состава через референдум российских автономных образований.

Все это происходило на фоне полного развала финансово-экономической системы СССР. Руководство союзных республик стало полностью игнорировать решения Верховного Совета СССР по ограничению роста денежных доходов населения. Средства на оплату труда в конце 90-го и в 91-м году выдавались практически независимо от конечных результатов производства. По данным Центробанка СССР в условиях снижения масштабов общественного производства и расстройтва потребительского рынка в последние два года существования СССР произошел взрывной рост денежных доходов населения: в 1990 году они увеличились по сравнению с 1989 годом

на 94,5 млрд рублей, или на 16,9%. В 1991 году — более чем на 90% [4]. Гигантский необоснованный рост спроса при снижении товарного предложения обусловил нехватку в ряде регионов банкнот для выплаты заработной платы и других неотложных платежей. Печатные станки Гознака, работая в три смены, не справлялись с заданиями по эмиссии денег.

12 июня 1990 года Съезд народных депутатов РСФСР, реагируя на ситуацию в стране и защищая российские интересы, принял Декларацию о государственном суверенитете, в которой провозглашалось верховенство российских законов над союзными. Это позволяло, в частности, остановить процесс дотирования других союзных республик, заложенный в Законе о бюджете СССР на 1990 год, в том числе шести республик, объявивших себя независимыми. 16 июля 1990 года Верховная Рада Украины приняла еще более радикальную Декларацию о государственном суверенитете Украины.

Тем не менее, даже в условиях глубочайшего экономического и идеологического кризисов народы СССР (в том числе Украины) 17 марта 1991 года на общесоюзном референдуме проголосовали за сохранение СССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик. Однако союзные и республиканские руководства того периода проигнорировали волю народа и продолжили заниматься борьбой между собой за власть. По иронии судьбы окончательную точку в развале Советского Союза поставили сторонники его сохранения, организовавшие 19–21 августа 1991 года ГКЧП. История еще даст ему объективную оценку, но уже очевидно, что его действия были прямо направлены против демократически избранного руководства Российской Федерации — ведущей республики СССР — и фактически защищали потерявшего какой-либо авторитет М.С. Горбачева от возможной отставки на сентябрьском Съезде народных депутатов СССР и намеченном на октябрь съезде КПСС.

После провала ГКЧП Съезд народных депутатов СССР самораспустился (по предложению М.С. Горбачева), то есть рухнула вся конструкция союзной власти. Попытки М.С. Горбачева сформировать в своих интересах какие-то переходные структуры наподобие Госсовета не были поддержаны республиками, тем более что этот орган, созданный 5 сентября 1991 года, уже на следующий день, 6 сентября, дискредитировал себя, признав в угоду США и в нарушение Конституции СССР независимость прибалтийских республик. Последний факт делает очевидным полное доминирование Запада с сентября 1991 года на пространстве СССР. США превратились в арбитра споров между остатками союзного центра и союзными республиками, а также между самими республиками.

Как отметил Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации В.В. Володин, «в непростое время ЦК КПСС, Верховный Совет, секретари обкомов разбежались, отсиделись в отпусках, когда надо было принимать решения. Предали свои идеалы, страну, граждан. **Вышая советская элита извлекла из развала СССР экономическую и политическую выгоду. США и Европа устранили сильного идеологического противника, разделив его на отдельные страны» [7].**

Беловежское соглашение — основа международного признания и интеграции стран СНГ

После провала ГКЧП до подписания Беловежского соглашения на референдумах и заседаниях верховных советов о независимости заявили все союзные республики, за исключением Казахстана. Поэтому неправильно считать заключение Соглашения о создании Содружества Независимых Государств главной причиной распада СССР и при этом не видеть, что в отличие от всех других многочисленных документов (деклараций, актов, референдумов о независимости) оно носило, во-первых, объединительный характер и было нацелено на будущее — на создание СНГ. Во-вторых, Соглашение обеспечивало международное признание независимости союзных республик, то есть придавало их разводу цивилизованный характер. Все предшествующие документы фиксировали лишь самопризнание республиками СССР их независимости, а международное

признание и, в первую очередь, признание их независимости Россией зафиксированы именно в Беловежском соглашении.

Беловежское соглашение стало не причиной распада СССР, а его следствием. Если бы оно не было подписано 8 декабря 1991 года, то другие аналогичные соглашения, подписанные позже, носили бы еще менее интеграционный характер или вообще не были бы подписаны, что сделало бы уже фактически произошедший развод республик нецивилизованным и намного более драматичным. С 1989 года СССР сотрясали межнациональные столкновения: произошли кровавые события в Фергане, разгорались конфликты в районе Нагорного Карабаха, Приднестровье, Южной Осетии, Абхазии.

Признавая трагическую неотвратимость принятия Беловежского соглашения, нельзя не отметить его существенные недостатки. Во-первых, в нем совершенно не были учтены закрепленные в Законе о порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР, обязательства по проведению консультаций о территориях, переданных от России Украине в период существования СССР. Тем более был проигнорирован проведенный в январе 1991 года в Крыму референдум, по результатам которого 93% жителей проголосовали за выход региона из Украины и его сохранение в составе СССР. Подчеркнем, что этот референдум был таким же легитимным, как и общеукраинский референдум 1 декабря 1991 года. Во-вторых, в Беловежском соглашении не были урегулированы вопросы принадлежности союзных предприятий, находящихся на территориях республик. Уже были приведены данные по дотациям бюджета Грузинской ССР. Аналогично финансирование машиностроения, атомной и ракетной промышленности, газотранспортной системы и других союзных объектов на территории Украины в основном осуществлялось за счет перераспределения доходов РСФСР. Получается, что этот вклад России при распаде СССР учтен не был, и раздел союзного имущества произошел не по экономическому вкладу республик, а по географическому принципу. В-третьих, за скобками в Беловежском соглашении остался вопрос о возврате и обслуживании внешнего долга СССР в объеме 67,8 млрд долларов США. В итоге России пришлось эту нагрузку взять на себя.

1 декабря 1991 года в Алма-Атинской декларации к Соглашению о создании СНГ присоединились еще восемь союзных республик. В декабре 1993 года Устав СНГ подписал Президент Грузии Э. А. Шеварднадзе. Тем самым 12 из 15 союзных республик связали свою независимость с сотрудничеством в рамках Содружества Независимых Государств.

Этот факт особенно важен для понимания российско-украинских отношений. По «брежневской» Конституции Россия и Украина были суверенными республиками, однако их суверенитет был ограничен союзным законодательством. Принятое в 1990 году декларация о государственном суверенитете России и Украины провозглашала их полную правовую независимость, но все-таки в составе СССР. Так, украинская декларация 1990 года, принятый во исполнение ее Акт о независимости от 24 августа 1991 года и референдум о поддержке этого Акта, состоявшийся 1 декабря 1991 года, предусматривали наряду с украинским сохранение советского гражданства.

Поэтому свою независимость Украина юридически получила только благодаря подписанию Беловежского соглашения, в котором ликвидация СССР и независимость его учредителей: Белоруссии, России и Украины — была прямо связана с обязательством создания СНГ как их межгосударственного объединения, образующего общее экономическое, социальное, военно-стратегическое пространство, защищающее языковые, этнические и культурные права меньшинств и т.д.

Западные идеологи, такие как З. Бжезинский, видели в Беловежском соглашении потенциал для возрождения более демократического и федеративного СССР и вместе с украинской элитой предпринимали меры, чтобы этот потенциал не был реализован [8]. В итоге Украина, ратифицировавшая 10 декабря 1991 года Беловежское соглашение о создании СНГ, даже формально не подписала Устав СНГ, то есть не выполнила зафиксированное в ее законодательстве главное усло-

вие признания независимости. При этом она и фактически не выполняет беловежские обязательства. Надежды России на соблюдение духа соглашений на основе Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Россией и Украиной, действовавшего в 1999–2019 годах, а также Соглашения о формировании Единого экономического пространства 2003 года и других интеграционных документов не оправдались, а после государственного переворота 2014 года и вовсе окончательно рухнули. В итоге больше всего пострадал русский народ, который из-за позиции украинских властей оказался разделенным и несправедливым.

Западные политики предпочитают видеть в Беловежском соглашении только констатацию распада СССР, но упорно не хотят замечать обязательств, вытекающих из его подписания. Так, бывший премьер-министр Швеции К. Бильдт, критикуя вывод Президента России В.В. Путина о том, что Украина не совсем законно получила независимость, неправомерно ссылается на Беловежское соглашение [9].

Невыполнение Украиной обязательств по участию в создании СНГ (неподписание его Устава) означает незаконность получения Украиной независимости и неправомерность требований обеспечения целостности ее территории. Точно так же невыполнение Украиной взятых ею на себя беловежских обязательств по защите языковых, этнических и культурных прав русскоязычных граждан является важным аргументом в пользу законности общекрымского референдума 2014 года и поддержки населения Донбасса. Соглашение о СНГ также дает основание считать абсолютно неправовыми какие-либо международные санкции в отношении России в связи с вхождением Крыма в ее состав и гуманитарной поддержкой Донбасса. И этот правовой факт должны учитывать международные юридические суды и организации.

Кроме того, Беловежское соглашение обязывало его членов создать общее военно-стратегическое пространство под объединенным командованием. Поэтому присоединение Украины и других постсоветских республик к НАТО является грубым нарушением международно признанного Соглашения о создании Содружества Независимых Государств, и Россия имеет все юридические основания считать расширение НАТО на пространство СНГ «красной линией».

Сквозь призму исторической памяти важно объективно оценивать участие постсоветских республик в различных интеграционных структурах. От развала СССР проиграли народы всех 15 государств — выиграли лишь партийные элиты и западные страны, на десятилетия захватившие доминирующие позиции в мире. По-разному сложилась судьба стран СНГ. Укрепили свой суверенитет и достаточно успешно развиваются те из них, кто выполняет беловежские обязательства, в том числе в рамках таких проектов, как Союзное государство, ОДКБ, ЕАЭС. В отличие от них, страны, отошедшие от беловежских обязательств и участвующие в антиевразийских, антироссийских проектах (ГУАМ, Восточное партнерство, ассоциация с Европейским союзом), уступили свой суверенитет Западу и теперь переживают внутренние конфликты, экономическую деградацию и массовую трудовую эмиграцию. Ряд стран СНГ занимают выжидательную, или разновекторную, позицию.

В этой связи отметим, что Соглашение о создании СНГ совсем не противоречит участию стран Содружества в формировании общего европейского рынка. Однако оно предполагало, что страны СНГ будут взаимодействовать с Европейским союзом, ВТО и другими международными структурами не индивидуально, а коллективно, сообща. В этом случае Грузия, Молдова и Украина вместе с Россией и другими постсоветскими партнерами могли бы на равных сотрудничать с ЕС, защищая свой общий рынок и интересы своих производителей. Однако страны СНГ в рамках ВТО оказались разобщенными, каждая страна вступала в ВТО по одиночке. Грузия, Молдова и Украина признали в рамках соглашений об ассоциации с ЕС полное доминирование Европейского союза и потеряли рынок России — шестой по величине в мире, не приобретя ему равноценной замены.

На данный момент Беловежское соглашение остается легитимным для 12 постсоветских республик и не теряет своей актуальности. Его односторонняя критика противоречит исторической правде, а невыполнение является грубым нарушением международно признанных обязательств. Формирование Большой Евразии, многополярного мира, где новыми лидерами выступают Китай, Индия и Россия, а также социально-экономический успех ЕАЭС и повышение роли ОДКБ могут в будущем изменить интеграционную позицию не только «разновекторных», но и псевдоевропейских стран, создав мощные стимулы к полному выполнению обязательств тридцатилетней давности по созданию общего социального, экономического и военно-стратегического пространства, проведения скоординированной внешней политики и обеспечения языкового, культурного и этнического равенства меньшинств [10, 11].

Подводя итоги, отметим:

1. Фундаментальными причинами распада Союза являлись:
 - формирование СССР через дробление исторически единого государства на суверенные республики, имеющие право свободного выхода из Союза;
 - обеспечение за счет РСФСР более высокого качества жизни и опережающей индустриализации и модернизации в ряде других союзных республик;
 - догматическое представление о сохранении в условиях НТР ведущей роли рабочего класса, а не научной и инженерно-технической интеллигенции; в нарушении принципа распределения по труду предоставление социальных и экономических преференций работникам не сложного, а простого труда, ведущее к дисбалансу между спросом и предложением.
2. Главной политической причиной распада Союза стало проведение радикальной политической реформы без предварительного экономического реформирования СССР, включая проведение масштабной приватизации.
3. Главной экономической причиной распада СССР являлась нарастающая диспропорция между спросом и товарным предложением, вызванная:
 - форсированным ростом денежных доходов населения вне связи с конечными результатами;
 - непродуманной антиалкогольной кампанией;
 - дополнительными расходами в связи с выводом из-за границы западной группы войск;
 - перекачиванием безличных средств госпредприятий в наличные доходы кооперативов, малых предприятий, НТТМ.
4. Нет никаких оснований объяснять экономический кризис в СССР непомерными военными расходами: развал высокотехнологичных оборонных отраслей под флагом конверсии только усугубил уже имеющийся экономический кризис.
5. Идеологической причиной распада СССР стала официальная критика социально-экономической системы, переросшая в критику самого государства.
6. Международной причиной распада СССР являлось соглашение союзного руководства на ликвидацию Совета экономической взаимопомощи и прекращение действия Варшавского договора.
7. Иностранное вмешательство сыграло свою роль через влияние на М. С. Горбачева и других союзных и республиканских лидеров, но не было определяющим: внешний долг СССР в 1991 году составил всего 3,6% от ВВП. Антигосударственная позиция партийно-политической элиты объяснялась заинтересованностью союзных и республиканских лидеров в получении вместо партийной — политической и экономической власти.
8. Соглашение о создании СНГ от 8 декабря 1991 года является не причиной, а следствием саморазрушения СССР. Беловежское соглашение подписывалось, когда 15 республик уже фактически были независимыми, 14 из них приняли юридические акты о независимости, три прибалтийские республики были признаны независимыми Госсоветом во главе с М. С. Горбачевым.
9. Беловежское соглашение носило объединительный характер и напрямую связывало получение Беларусью, Россией и Украиной полного суверенитета и международное признание их независимости с созданием СНГ как межгосударственного

объединения с общим социальным, экономическим, военно-стратегическим пространством, скоординированной внешней политикой и защитой языковых, культурных и этнических прав меньшинств.

10. Невыполнение Беловежского соглашения властями Украины, неподписание ею Устава СНГ означают несоблюдение

этой страной важнейшего условия получения независимости и признания ее территориальной целостности.

11. Участники Союзного государства, ЕАЭС и ОДКБ являются примером выполнения беловежских обязательств и могут в будущем объединить на новой основе все постсоветские страны.

Список использованных источников:

1. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. — [Электронный ресурс] https://www.economy.gov.ru/material/file/682a55a474d019e747227e67eba18ee6/soglashenie_sng.pdf/ (дата обращения: 08.12.2021).
2. Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев. — [Электронный ресурс] <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181/> (дата обращения: 08.12.2021).
3. Государственный бюджет СССР на 1990 год. — [Электронный ресурс] <http://gaidar-arc.ru/file/bulletin-1/DEFAULT/org.stretto.plugins.bulletin.core.Article/file/4084/> (дата обращения: 08.12.2021).
4. По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. № 12. Денежное обращение в СССР в 1986–1991 годах (ведомственные материалы). — М., 2011. — С.32–36.
5. Синельников С.Г. Бюджетный кризис в России: 1985–1995 гг. — М., 1995. — С.273.
6. Закон «О порядке решения вопросов, связанных с выходом Союзной республики из СССР» — [Электронный ресурс] <https://docs.cntd.ru/document/902002993/> (дата обращения: 08.12.2021).
7. Володин В.В. Телеграм-канал. — [Электронный ресурс] https://t.me/s/vv_volodin. 08.12.2021 (дата обращения: 08.12.2021).
8. Бжезинский З. Великая шахматная доска. — М., 2021. — С.256.
9. Бильдта удивили слова Путина о «не совсем законной» независимости Украины. — [Электронный ресурс] <https://www.unian.net/politics/895902-bildta-udivili-slova-putina-o-ne-sovsem-zakonnoy-nezavisimosti-ukrainyi.html> (дата обращения: 13.12.2021).
10. Кротов М.И. От Беловежских соглашений до Евразийского экономического союза: опыт тридцатилетия // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2021. — № 3 (37). — С. 22–34.
11. Кротов М.И., Слуцкий Л.Э., Батистова О.И. Евразийская экономическая интеграция в новой глобальной реальности: системный подход и разрешение противоречий // Проблемы современной экономики. — 2020. — № 4 (76). — С. 6–14.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ КАЗАНСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ – 2021

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИИ ДО 2025 ГОДА: НОВОЕ ВИДЕНИЕ ПЕРСПЕКТИВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Е.В. Данилова,

заместитель директора Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии (г. Москва),
кандидат экономических наук
e.danilova@eeccommission.org

В статье рассматриваются ключевые положения Стратегии развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, как ключевого системообразующего документа стратегического планирования на ближайшие пять лет. Отмечается, что документ состоит из общих положений и более чем 300 мер и механизмов, сгруппированных в 11 системных блоков по направлениям деятельности ЕАЭС. Автор анализирует планируемые к реализации меры, направленные в том числе, на завершение формирования общих рынков ЕАЭС, формирование цифрового пространства Союза, совершенствование работы институтов Союза, развитие сотрудничества в новых сферах, а также на углубление взаимодействия ЕАЭС с зарубежными партнерами.

В завершении статьи автор приходит к выводу, что полная реализация заложенных в Стратегии мер и механизмов позволит обеспечить лидерство Союза в Евразии.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Стратегия–2025, стратегическое планирование, общие рынки, новые сферы интеграции, международная деятельность ЕАЭС

УДК 339.924 ББК 65.5

Современный мир сильно меняется, усиливается влияние глобальных вызовов на экономику государств — членов Союза, активно формируется новый технологический уклад, усиливаются новые мировые центры экономического роста, прежде всего Китай.

Активно переформируется система производственных отношений в глобальной экономике, продолжается усиление ее регионализации и фрагментации, рост протекционизма, трансформация — и даже разрыв — сложившихся цепочек добавленной стоимости при критической зависимости производственных процессов и удовлетворения потребительского спроса от внешних поставок в рамках сложившейся логистики, валютные шоки и другие негативные тенденции.

2020-й год стал для Евразийского экономического союза определенным испытанием на прочность. Воплотились риски, которые не были заложены в самых радикальных прогнозах. Мы столкнулись с глобальной эпидемией, получили негативные эффекты от нестабильности на сырьевых и финансовых рынках. В результате структурно-технологической трансформации мировой экономики наблюдается мировой экономический спад и рост социальной напряженности от пандемии коронавирусной инфекции.

В этих условиях становится очевидным, что для достижения целей, определенных на старте нашей интеграции, тех инструментов, что предусмотрены правом ЕАЭС, на достигнутом уровне интеграции недостаточно. Кроме этого, нами накоплен существенный новый опыт интеграционного строительства и практического взаимодействия государств в рамках нашей интеграционной структуры. Этот новый конструктивный опыт должен быть реализован.

Направления его реализации и комплекс мер, направленных на развитие интеграционного взаимодействия в ЕАЭС, суммированы в важном стратегическом документе, принятом главами государств — членами Высшего Евразийского экономического совета в декабре 2020 года, — Стратегии развития интеграции до 2025 года. С момента подписания Договора о Евразийском экономическом союзе в мае 2014 года, Стратегия–2025 является новым серьезным шагом по формированию и развитию единого экономического пространства в рамках ЕАЭС.

Стратегия состоит из общих (концептуальных) положений и перечня мер и механизмов (более 300 позиций), сгруппированных в 11 системных блоков по направлениям деятельности ЕАЭС, реализация которых направлена на:

- полное устранение барьеров;
- повышение эффективности функционирования рынков товаров;
- обеспечение гарантий качества, безопасности обрабатываемых товаров и надлежащей защиты прав потребителей;
- совершенствование таможенного регулирования в рамках Союза;
- формирование цифрового пространства ЕАЭС;
- построение эффективной системы управления и финансирования совместных кооперационных проектов;
- выработку гибких механизмов целевого содействия экономическому развитию;
- объединение усилий для стимулирования проведения совместных научно-исследовательских работ;
- расширение экономического сотрудничества в области образования, здравоохранения, туризма и спорта;
- обеспечение максимально действенной институциональной системы ЕАЭС, гарантирующей выполнение принятых договоренностей;
- формирование ЕАЭС как одного из наиболее значимых центров развития современного мира.

Будучи ключевым системообразующим документом стратегического планирования на ближайшие пять лет, Стратегия–2025 определяет логику дальнейшей работы по завершению формирования механизмов реализации текущих договоренностей, развитию и углублению интеграционных процессов, предусматривая качественно новые подходы, которые позволят за сравнительно краткий срок продвинуться в достижении целей Союза.

В Стратегии–2025, во-первых, закрепляется широкое внедрение цифровых решений и современных автоматизированных и информационно-коммуникационных технологий, использование систем больших данных практически во всех сферах, от таможенного администрирования и налоговой сферы, систем прослеживаемости транзита товаров, технического регулирования и мер ветеринарного и фитосанитарного контроля, государственных закупок до кросс-отраслевых цифровых экосистем в рамках цифровой трансформации в Союзе (в сфере промышленной кооперации, интеллектуальной собственности, транспорта и логистики, сельского хозяйства, образования, медицины, трудоустройства и занятости, туризма и других сферах).

Современные цифровые технологии, применяемые в системе прослеживаемости и маркировки, позволяют агрегировать

данные на всех уровнях и, соответственно, проследить движение продукции по всей цепочке поставок от производства до потребителя и пресекать попытки незаконного ввоза и оборота. Вместе с мерами по дальнейшей гармонизации национальных систем регулирования это укрепит наш внутренний рынок, функционирующий без границ, устранив барьеры, вызванные недоверием к национальным системам контроля за достоверностью сведений, содержащихся в товаросопроводительных документах, полнотой взимания таможенных пошлин при импорте и упростит доступ граждан государств — членов ЕАЭС и предпринимателей к различным услугам и информации в Союзе.

Совершенствование таможенного регулирования в Союзе предполагает:

- автоматическое совершение таможенных операций без участия должностных лиц;
- унификацию электронного документооборота между таможенными органами и участниками внешнеэкономической деятельности;
- единую систему транзита товаров в ЕАЭС (унификацию подходов таможенных органов государств-членов к применению мер по минимизации рисков при таможенном транзите товаров, международное соглашение о единой системе транзита ЕАЭС, систему отслеживания «транзитных» товаров с использованием электронных навигационных пломб);
- беспрепятственное перемещение товаров Союза с территории одного государства-члена (или его части) на территорию другого государства-члена (или его части), не имеющего общей границы ни с одним из государств-членов, с учетом контроля перевозки с использованием электронных навигационных пломб Союза¹.

В рамках технического регулирования будут внедрены электронные формы разрешительных документов в сфере оценки соответствия, будет обеспечена интеграция национальных информационных систем в сфере выдачи разрешительных документов посредством применения Интегрированной информационной системы Союза.

В сфере ветеринарии и фитосанитарии — формирование и интеграция национальных информационных систем при прослеживаемости продукции посредством Интегрированной информационной системы Союза.

Серьезный шаг с помощью цифровых технологий будет сделан в области налогового администрирования. Реализация мероприятий в этой области позволит упростить автоматизацию фискальных процессов в рамках взаимной торговли, оптимизацию применения форм государственного контроля.

В рамках проекта «Унифицированная система поиска «Работа без границ» создана и уже начала действовать поисковая система для получения информации о свободных рабочих местах и соискателях вакансий: граждане государств-членов, заинтересованные в поиске работы и являющиеся пользователями унифицированной системы, получают возможность прямого взаимодействия с работодателями в других государствах-членах, а работодатели — дополнительный, верифицированный источник привлечения трудовых ресурсов.

В сфере государственных закупок страны ЕАЭС представляют национальный режим поставщикам из государств-членов, но отдельные проблемные вопросы, не позволяющие в полной мере обеспечить взаимное участие в государственных закупках не покидая страну нахождения, пока сохраняются. В свою очередь, Стратегия—2025 предусматривает в этой сфере:

- создание каждым государством-членом веб-портала;
- публикация на веб-портале информации о закупках, реестра недобросовестных поставщиков;
- публикация на веб-портале нормативных правовых актов государства-члена в сфере закупок;
- определение ограниченного числа электронных торговых площадок и т.д.

Не менее важное значение также имеют мероприятия в части интеллектуальной собственности. В целом они направлены на обеспечение доступа по принципу «одного окна» к информации в отношении всех зарегистрированных в странах ЕАЭС объектов промышленной собственности, выработку со-

гласованных подходов по защите прав на объекты интеллектуальной собственности в сети «Интернет», обеспечение применения единообразных мер по борьбе с распространением контрафактной продукции.

Во-вторых, Стратегией предусмотрены мероприятия по созданию макроэкономических условий для опережающего развития ЕАЭС.

Дальнейшее развитие интеграционного потенциала Союза в сфере макроэкономической политики планируется обеспечить посредством выработки гибких механизмов целевого содействия экономическому развитию государств — членов ЕАЭС, формирования системы стратегического планирования, реализации совместных целевых проектов и научно-технологического сотрудничества.

Так, в части формирования системы стратегического планирования Стратегией предусмотрен комплекс мероприятий по формированию вышеуказанной системы в рамках Договора, включая разработку:

- основных направлений экономического развития государств-членов до 2035 года и подготовка отчетов о ходе их реализации;
- общих принципов и подходов обеспечения продовольственной безопасности на основе принципов и подходов методологии Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО);
- балансов производства и потребления основных сельскохозяйственных и продовольственных товаров в Союзе;
- рекомендаций по совершенствованию методологии прогнозирования развития экономики, в том числе с учетом трансграничных последствий принимаемых решений в области макроэкономической политики;
- долгосрочного прогноза научно-технического развития Союза и обоснование приоритетов и целевых программ научно-технического развития;
- прогноза пространственного развития Союза.

Запланировано проведение всесторонней оценки целесообразности формирования общей стратегии развития промышленности, сельского хозяйства и инфраструктуры в Союзе, а также оценки инструментов и уровня государственной поддержки промышленности в Союзе и проработка возможных направлений их сближения.

В сфере статистики предусмотрено, например, совершенствование применяемого в Союзе порядка представления статистики взаимной торговли товарами и услугами, в том числе по форматам, содержащим унифицированный набор сведений, а также обеспечение ответственности за непредставление статистических данных в соответствии с национальным законодательством государств-членов.

Для анализа перспектив развития государств-членов в глобальной экономике необходимо проведение оценки качества их социально-экономического развития, горизонтальных межстрановых производственных связей и эффективности развития цепочек добавленной стоимости, а также оценки производственного потенциала государств-членов с учетом использования производственных мощностей, научно-технического и природно-ресурсного потенциала, трудовых ресурсов.

Сформировано важное направление дальнейшего взаимодействия в ЕАЭС — целевое содействие экономическому развитию государств — членов ЕАЭС.

Кыргызстан в ходе разработки Стратегии, основываясь на опыте других региональных объединений, поднял очень важный вопрос о создании института развития в Союзе, который необходим для содействия выравниванию уровней экономического развития государств-членов и регионов государств-членов.

В настоящее время ведется работа с ЕАБР и ФСР, чтобы эти структуры активнее могли быть задействованы в финансировании крупных интеграционных проектов и оказывать содействие в «подтягивании» регионов и стран, собственные возможности для экономического роста которых ограничены.

Предусмотрено также наращивание научно-технического потенциала Союза. Опережающий рост экономик Союза будет обеспечиваться путем форсированного перехода к мерам по

наращиванию человеческого потенциала, повышению производительности труда, стимулированию прикладных научно-исследовательских работ. Расчеты ЕЭК показывают, что в ЕАЭС увеличение объема инвестиций в НИОКР в ВВП на 1 процентный пункт способно привести к увеличению темпов роста ВВП ЕАЭС на 1,9%. Однако для трансформации научных исследований в экономический рост критически важна инфраструктура — механизмы и институты внедрения результатов разработок в производственную деятельность.

В Стратегии заложена система мер для взаимодействия национальных платежных систем, расширение использования национальных валют в расчетах во взаимной торговле. Эти мероприятия идут в рамках одной из ключевых задач, решаемой Стратегией—2025. Важное значение имеют мероприятия в финансовой сфере по гармонизации законодательства государств-членов.

Она будет осуществляться, в том числе посредством разработки и подписания следующих документов:

- международного договора о стандартизированной лицензии;
- международного договора о наднациональном органе по регулированию общего финансового рынка ЕАЭС;
- международного договора о допуске брокеров и дилеров одного государства-члена к участию в организованных торгах бирж (организаторах торговли) других государств-членов;
- соглашения о порядке обмена сведениями, входящими в состав кредитных историй, в рамках ЕАЭС;
- международного договора о взаимном допуске к размещению и обращению ценных бумаг на организованных торгах в государствах-членах.

Разработка этих документов предусмотрена также Концепцией формирования общего финансового рынка ЕАЭС (Решение ВЕЭС от 01.10.2019 № 20).

Таким образом, будет создана необходимая нормативная база для общего финансового рынка, позволяющая:

- минимизировать регуляторный арбитраж и риски для финансовой стабильности, обеспечить взаимный доступ на фондовые биржи государств-членов, что, безусловно, даст импульс интеграции финансовых рынков и добавит стимулы участникам финансового рынка для их прихода на интегрированный рынок,
- создать благоприятные условия для резидентов Союза при обращении за кредитными ресурсами в банки, находящиеся на территориях других государств-членов, а также обеспечение для банков возможности адекватной оценки рисков при принятии решений о кредитовании резидентов других государств-членов, что будет способствовать развитию трансграничного кредитования в рамках Союза, обеспечению прямого доступа инвестора через биржевого посредника к любому объекту инвестирования, расположенному на территории ЕАЭС.

В-третьих, в Стратегии содержатся мероприятия по повышению эффективности институтов ЕАЭС. Они предусматривают усиление роли и ответственности наднациональных органов Союза, внедрение механизмов, обеспечивающих соблюдение права Союза и исполнение решений его органов, а также исполнения решений Суда ЕАЭС; наделение Коллегии Евразийской экономической комиссии правом обращаться в Суд ЕАЭС; оценку воздействия нормативных актов ЕАЭС на условия ведения предпринимательской деятельности.

Например, сегодня оценка регулирующего воздействия (ОРВ) проводится только по проектам решений Комиссии. Это, несомненно, дает свои результаты. Так в 2019 году из 1480 замечаний и предложений, поступивших в ходе публичного обсуждения, в рамках процедуры ОРВ было учтено 842 замечания (56,9%). Доля учета замечаний и предложений, содержащихся в заключениях ОРВ, составила 66,7%. ОРВ в целом позволяет комплексно оценивать предлагаемые акты Комиссии, минимизировать потенциальный негативный эффект, излишнюю административную и финансовую нагрузку на бизнес.

Стратегией предусмотрено дополнение этого механизма оценкой влияния уже принятых актов органов Союза. Ранее Комиссией уже был реализован пилотный проект по оценке фактического воздействия Решения Совета ЕЭК от 20.11.2016

№ 157 «Об утверждении Единых карантинных фитосанитарных требований, предъявляемых к подкарантинной продукции и подкарантинным объектам на таможенной границе и на таможенной территории ЕАЭС» и двух решений Коллегии ЕЭК (от 25.12.2012 № 294 «О Положении о порядке ввоза на таможенную территорию ТС продукции (товаров), в отношении которой устанавливаются обязательные требования в рамках ТС» и от 20.03.2018 № 41 «О Порядке регистрации, приостановления, возобновления и прекращения действия деклараций о соответствии продукции требованиям технических регламентов ЕАЭС»), который показал высокую заинтересованность бизнеса в этом механизме. Поступило 73 анкеты, то есть в среднем более 24 анкет по одному действующему акту ЕЭК, прошедшему оценку фактического воздействия. Это позволит создать систему оценки фактических последствий влияния наднационального регулирования в рамках ЕАЭС, корректировать и совершенствовать наднациональное регулирование в случае избыточных обязанностей, необоснованных расходов и т.д.

Также Стратегией предусмотрено расширение области применения ОРВ на проекты международных договоров в рамках ЕАЭС, которые в настоящее время не проходят данную процедуру. Это также позволит привлечь предпринимательское и экспертное сообщество к участию в разработке основополагающих документов, формирующих подходы к функционированию и развитию ЕАЭС.

Также планируется создать систему ключевых показателей и индикаторов, характеризующих условия ведения предпринимательской деятельности и процессов евразийской экономической интеграции. Это позволит повысить уровень «осязаемости» интеграционных процессов для бизнес-сообщества и граждан государств — членов ЕАЭС, а также сформирует объективную информацию о конечных эффектах, конкретных показателях эффективности и результативности развития евразийской экономической интеграции.

В-четвертых, разворачиваются механизмы сотрудничества в новых сферах — в области образования, здравоохранения, туризма и спорта с учетом согласованных принципов либерализации торговли услугами в целях обеспечения для граждан государств ЕАЭС доступности современных достижений в этих сферах. Это новые перспективные грани развития интеграции, которые направлены на развитие человеческого потенциала как одного из основных факторов устойчивого и сбалансированного экономического роста.

В Стратегии, в частности, закреплены меры по обеспечению доступности современных достижений в сфере здравоохранения для граждан государств ЕАЭС, а также бесплатной медицинской помощи трудящимся-мигрантам. Стратегией предусмотрены совместные научные исследования, разработка инновационных подходов, инициатив и кооперационных проектов в лечении, диагностике и профилактике инфекционных заболеваний, фармацевтике; создание эффективных механизмов трансграничного взаимодействия медицинских и эпидемиологических служб государств-членов по противодействию распространению социально опасных заболеваний; взаимодействие для обмена научными данными о новых видах возбудителей инфекционных заболеваний и проведение совместных научных исследований в области разработки инновационных подходов к профилактике, диагностике и лечению инфекционных заболеваний; изучение вопроса о развитии на кооперационной основе медицинских реабилитационных центров с использованием передовых технологий и другие значимые меры.

Особую важность представляет в настоящее время проект «Евразийская вакцина». Это совместная программа профильных исследовательских центров, испытательных лабораторий, производственных площадок и институтов развития по изготовлению качественных вакцин, в первую очередь, противовирусных. Она предусматривает вовлечение всего спектра биоинженерных технологий, совершенствование которых укрепит национальные системы здравоохранения.

Положительное влияние на бизнес окажут также мероприятия, закрепленные в Стратегии—2025 по обеспечению свободного движения рабочей силы.

Предусмотрена проработка вопросов по сближению квалификационных требований работников по наиболее востребованным на рынке труда профессиям, возможность дистанционной проверки подлинности дипломов кандидатов, а также мероприятия, создающие социальные условия для трудящихся мигрантов.

В-пятых, систематизируются (в том числе запланированные в других документах Союза) мероприятия по завершению формирования общих рынков в различных отраслях, включая Единый рынок услуг в ключевых секторах, в том числе устранение изъятий в сферах, связанных с недропользованием, транспортом, финансами и энергетикой. Эти меры, безусловно, повысят инвестиционный эффект для экономики стран Союза.

Также Стратегией предусмотрено взаимное признание национальных рейтинговых агентств и создание рейтингового агентства в ЕАЭС. Это создаст возможности для взаимного признания рейтингов кредитоспособности, надежности и финансовой устойчивости, а также позволит формировать объективные оценки инвестиционной привлекательности структур и пользователей кредитных рейтингов как инструмента инвестиционной политики и предоставлять качественные рейтинговые продукты.

Помимо внутренней повестки Стратегия развития евразийской экономической интеграции до 2025 года определяет цели и задачи, поставленные перед Союзом на внешнем треке. По сути, впервые международная деятельность Союза встроена в систему стратегического планирования в ЕАЭС.

ВВП третьих стран, с которыми Союз заключил соглашения о свободной торговле, а также подписал меморандумы о взаимодействии, составляет 29,6 трлн долл. (по паритету покупательной способности), это 23,2% мирового ВВП. Население этих стран составляет 1,7 млрд человек или 21,6% населения мира. Интенсификация взаимодействия ЕЭК с партнерами на международной арене позволяет расширять границы доступного глобального рынка для государств — членов ЕАЭС.

С учетом региональных интеграционных объединений ВВП зарубежных партнеров Союза составляет уже 43,9 трлн долл. (по паритету покупательной способности) или 34,3% мирового ВВП, а население — 3,7 млрд человек или 48,5% населения мира.

Стратегией определены следующие ключевые географические направления международной деятельности Союза на ближайшее пятилетие.

Традиционный приоритет — СНГ и государства, не являющиеся членами ЕАЭС, далее наши визави — региональные интеграционные объединения (АСЕАН, ЕС, ШОС, Андское сообщество, Тихоокеанский альянс, Африканский союз и другие интеграционные блоки), а также ключевые национальные экономики — КНР, страны ЕС, региона АТР и т.д. Нашим крупнейшим торговым, инвестиционным и технологическим партнером и основным покупателем экспортируемых государствами — членами ЕАЭС товаров остается Европейский союз: на евразийском пространстве работают тысячи европейских компаний.

Одна из ключевых задач Стратегии — обеспечить позиционирование Союза как одного из центров формирования интеграционного контура Большого Евразийского партнерства, одним из центров интеграционного контура которого видится ЕАЭС, открытого для взаимовыгодного и равноправного сотрудничества с внешними партнерами, выстраивания новых форматов взаимодействия, укрепление международной правосубъектности ЕАЭС и его авторитета в мире, что предполагает:

- развитие диалога с государствами, получившими статус государства-наблюдателя при Союзе (Кубой, Молдовой, Узбекистаном);

- реализацию меморандумов о сотрудничестве ЕЭК с правительствами иностранных государств;

- интенсификация бизнес-диалога с деловыми кругами третьих стран по линии Делового совета ЕАЭС;

- использование положений торговых соглашений Союза с третьими странами, а также актов органов Союза, для обеспечения доступа государств-членов на рынки третьих стран в целях защиты и продвижения интересов участников внешнеэкономической деятельности со стороны Союза;

- развитие форматов взаимодействия институтов поддержки экспорта государств-членов и третьих стран;

- привлечение зарубежных партнеров к участию в публичных мероприятиях по евразийской тематике, организуемых по линии Комиссии;

- формирование договорно-правовой базы Союза и его государств-членов с третьими странами и их интеграционными объединениями по вопросам формирования преференциальных торговых режимов, развития и всестороннего углубления торгово-экономического сотрудничества (завершение переговоров и создание зон свободной торговли с Арабской Республикой Египет; проведение переговоров о создании зоны свободной торговли с Республикой Индия);

- углубление взаимодействия с международными организациями и аналитическими центрами в сфере глобальной экономики; взаимодействие с Исполнительным комитетом СНГ и странами — участниками СНГ в целях повышения эффективности функционирования рынков товаров, безопасности обрабатываемых товаров, информированности и надлежащей защиты прав потребителей; получение Союзом статуса наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН; осуществление совместных с государствами-членами действий, направленных на получение Союзом статуса члена во ВТО; взаимодействие с Секретариатом ВТО и соответствующими рабочими органами ВТО для получения Союзом статуса наблюдателя в отдельных органах ВТО и другое.

В контексте этой задачи важно понимать, решение каких системных задач развития интеграции в ЕАЭС позволят продвигать идею БЕП с ведущей ролью Союза, и какова роль формирования гармонизированного правового пространства в СНГ на платформе ЕАЭС с «адаптивным подключением» третьих стран в Евразии к отдельным общим процессам в ЕАЭС.

Успех БЕП зависит от выполнения следующих ключевых условий.

1. Укрепление евразийской интеграции «изнутри», что предполагает:

- неукоснительное и безусловное выполнение государствами-членами обязательств, взятых в рамках Союза, в том числе полное и своевременное выполнение Плана мероприятий по реализации Стратегии–2025;

- развитие евразийской интеграции «вглубь» (расширение наднациональной компетенции, завершение формирования общих рынков, предусмотренных Договором, интеграция в новых сферах, включая научно-техническую, образовательную, социальную, туризм, климатическая повестка, другие приоритетные направления интеграции с учетом воздействия глобальных вызовов на экономику государств — членов Союза);

- введение системы нотификаций двусторонних соглашений государств — членов ЕАЭС с «третьими» странами (в ЕС такой механизм реализован в полной мере)²;

- обеспечение представленности ЕЭК в международных организациях, например, во Всемирной таможенной организации; — устранение правовых коллизий между правовыми базами ЕАЭС и СНГ³.

2. Раздвижение границ доступного рынка для компаний на пространстве Евразии, что предполагает:

- присоединение новых участников к ЕАЭС из числа государств — участников СНГ (прежде всего, Узбекистана, Таджикистана);

- добровольное включение элементов права ЕАЭС в национальное законодательство государств — участников СНГ, не являющихся членами ЕАЭС⁴;

- достижение соглашения о подключении к общим процессам ЕАЭС третьих стран⁵;

- формирование цепочек добавленной стоимости в Евразии с центрами компетенции в ЕАЭС, в том числе в сфере «зеленых технологий»;

- формирование «сетевых платформ безопасности» в Евразии (валютно-финансовой, «климатической», информационно-кибернетической-цифровой, транспортно-логистической, противодействия опасным заболеваниям и других);

- Евразия — это большое пространство и для БЕП нужны проекты, «стягивающие» это пространство в единое целое. Прежде всего, проекты в области инфраструктуры.

Таким образом, реализация мер и механизмов Стратегии будет способствовать совершенствованию и укреплению интеграционной повестки, обеспечив переход к наиболее амбици-

озному, но жизненно необходимому прогрессивному сценарию развития ЕАЭС «Собственный центр силы», гарантирующему лидерство Союза в Евразии.

Список использованных источников:

1. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 года №12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01528320/err_12012021_12 (дата обращения: 23.09.2021).

¹ Это важно, прежде всего, для Республики Армения.

² В ходе работы над Стратегией выдвигалось предложение о возможности наделения ЕЭК полномочиями по анализу двусторонних международных договоров государств-членов с ключевыми партн.рами, касающихся таможенно-тарифного, нетарифного, таможенного, технического регулирования, СФС-мер и рынков услуг, имеющих важное значение для функционирования пространства «четырёх свобод». В настоящее время ЕЭК ведет работу по совершенствованию права Союза, в т.ч. путем внесения изменений в Договор о Союзе, а также разработки концепций завершения формирования общих рынков.

Вполне возможно, что эти изменения не принимаются во внимание экспертами отраслевых органов государств-членов, участвующими в подготовке и реализации двусторонних экономических соглашений.

Вместе с тем в такие соглашения могут быть изначально включены положения, содержащие признаки несоответствия праву Союза, в том числе разрабатываемым проектам актов органов Союза и международных договоров в рамках Союза, что в последующем может затруднить дальнейшее развитие экономической интеграции в ЕАЭС в различных сферах.

³ Работа по гармонизации правового пространства в СНГ и ЕАЭС уже начата. В июне 2021 года состоялось первое заседание Рабочей группы по сопряжению права ЕАЭС и договорно-правовой базы СНГ, созданной приказом Председателя Коллегии ЕЭК от 13.04.2021 № 111, налажено рабочее взаимодействие на системной основе между ЕЭК и Исполкомом СНГ в сфере нормотворчества.

⁴ Например, по типу модели отношений ЕС — ЕАСТ.

⁵ В том числе к тем общим процессам, которые предусмотрены Планом мероприятий по реализации Стратегии—2025, например, к организации информационного взаимодействия и обмена информацией между таможенными органами (п. 3.1.3) и интеграции национальных информационных систем в сфере фитосанитарии при прослеживаемости ввезенной подкарантинной продукции (п. 4.11.6) и прослеживаемости животных и продукции животного происхождения (п. 4.11.7). Так вариантом присоединения третьих сторон к единой системе транзита ЕАЭС может быть заключение международного договора Союза с третьей стороной, предусматривающего положение об открытости для присоединения иных государств (интеграционных объединений) на установленных в таком договоре условиях, а также предложение предусмотреть в Соглашении о ЕСТТ Союза нормы, обеспечивающие возможность применения на территориях третьих государств, присоединившихся к данному Соглашению, таможенной процедуры таможенного транзита, регулируемой правом Союза.

КЛЮЧЕВЫЕ ИНДИКАТОРЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В МИРЕ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В ЕАЭС

И.А. Благих,

профессор кафедры экономической теории экономического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета,
доктор экономических наук, профессор,
ivan-blagikh@yandex.ru

На современном этапе процессы цифровой трансформации являются доминирующими в мировой экономике. К ключевым трендам цифровых преобразований экономики можно отнести: развитие интернета вещей, искусственного интеллекта, облачных вычислений и анализа больших данных, распространение криптовалют на базе блокчейн-технологий, дополненной реальности и совместной экономики. Совокупность перечисленных технологий и составляет технологическую основу и фундамент для развития цифровой экономики. Для оценки уровня цифровизации применяется ряд международных индексов. Применение этих индексов в ЕАЭС имеет ряд особенностей. Об этом, в том числе будет идти речь в данной статье.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация ЕАЭС, международные индексы, рейтинг цифрового развития.

УДК 338.001.36

Цифровизация экономики ЕАЭС является ключевым фактором развития производства во всех сферах социально-экономической деятельности включая трансграничное взаимодействие бизнеса, деятельность граждан, научно-образовательного сообщества, создание необходимых условий институционального и инфраструктурного характера для устранения препятствий и ограничений развития высокотехнологического бизнеса [1]. Задачи по цифровизации экономики реализуются на трех уровнях, которые в значительной степени влияют на жизнь граждан и общества в целом. Это рынки и отрасли экономики (сферы деятельности), где осуществляется взаимодействие конкретных субъектов (поставщиков и потребителей товаров, работ и услуг). Далее — платформы и технологии, где формируются компетенции для развития рынков и отраслей экономики (сфер деятельности). И, наконец, среда, которая создает условия для развития платформ и технологий и эффективного взаимодействия субъектов рынков и отраслей

экономики (сфер деятельности) и охватывает нормативное регулирование, информационную инфраструктуру, кадры и информационную безопасность [3].

В связи с тем, что эффективное развитие рынков и отраслей (сфер деятельности) в цифровой экономике возможно только при наличии развитых платформ, технологий, институциональной и инфраструктурной сред, деятельность государства в настоящее время сфокусирована на базовых направлениях цифровой экономики, на развитии ключевых институтов, в рамках которых создаются условия для развития цифровой экономики (нормативное регулирование, кадры и образование, формирование исследовательских компетенций и технологических заделов). При этом каждое из направлений развития цифровой среды и ключевых институтов учитывает поддержку как уже существующих условий для возникновения прорывных и перспективных сквозных цифровых платформ и технологий, так и создание условий для возникновения новых

платформ и технологий. Основными цифровыми технологиями являются большие данные, нейротехнологии и искусственный интеллект, системы распределенного реестра, квантовые технологии, новые производственные технологии, промышленный интернет, компоненты робототехники и сенсорики, технологии беспроводной связи, технологии виртуальной и дополненной реальности [3].

Цифровая экономика представляет собой хозяйственную деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме. Она способствует формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитию информационной инфраструктуры Российской Федерации, созданию и применению российских информационно-телекоммуникационных технологий, а также формированию новой технологической основы для социальной и экономической сферы [4].

Для анализа развития цифровой экономики в Российской Федерации в сравнении со странами Европейского союза и некоторыми странами, не входящими в Европейский союз, можно также использовать международный индекс I-DESI, опубликованный Европейской комиссией в 2016 году. Индекс I-DESI, разработанный на основе индекса DESI для стран — членов Европейского союза, оценивает эффективность как отдельных стран Европейского союза, так и Европейский союз в целом по сравнению с Австралией, Бразилией, Канадой, Китаем, Исландией, Израилем, Японией, Южной Кореей, Мексикой, Новой Зеландией, Норвегией, Россией, Швейцарией, Турцией и Соединенными Штатами Америки. Индекс I-DESI использует данные из различных признанных международных источников, таких, как Организация экономического сотрудничества и развития, Организация объединенных данных, Международный союз электросвязи и других. Основными компонентами индекса I-DESI являются связь, человеческий капитал, использование сети «Интернет», внедрение цифровых технологий в бизнесе и цифровые услуги для населения. Согласно исследованию, Россия отстает в развитии цифровой экономики от Европейского союза, Австралии и Канады, но опережает Китай, Турцию, Бразилию и Мексику.

По доступности фиксированной широкополосной связи Россия наряду с Соединенными Штатами Америки в 2016 году опережала Европейский союз и остальные страны. В отношении человеческого капитала Россия имела лучшие позиции, чем в среднем по Европейскому союзу, в Турции, Мексике и Бразилии, но значительно отстала от Японии, Кореи, Швеции, Финляндии, Великобритании и лидирующих стран Европейского союза. В отношении частоты 10 использования сети «Интернет» (в среднем ежедневно и регулярно), Россия продемонстрировала не очень высокие позиции в сравнении с Европейским союзом, Соединенными Штатами Америки, Новой Зеландией и Австралией, но опережала Китай, Бразилию и Мексику. В области внедрения цифровых технологий предприятиями Россия значительно отстала от Европейского союза и остальных стран, немного опередив Турцию, Китай и Мексику.

Применительно к ЕАЭС реализация проектов цифровой экономики, мониторинг деятельности в данной сфере осуществляется с учетом контрольных значений по следующим основным параметрам:

- экономический вклад цифровой экономики государств-членов ЕАЭС в валовой внутренний продукт;
- занятость в цифровой экономике;
- вклад цифровизации в повышение производительности труда по приоритетным отраслям и общим рынкам;
- доля экспорта цифровых товаров и услуг, а также традиционных товаров и услуг с применением цифровых каналов в общем экспорте[5].

При формировании системы показателей, характеризующих уровень цифровизации национальной экономики, используются следующие характеристики.

1. Целостность. Определяется принадлежностью выбранных показателей к целостной системе элементов, характеризующих цифровую инфраструктуру страны.

2. Структурированность. Представление системы показателей в структурированном виде, элементы которой объединяют однородные показатели.

3. Иерархичность. Выделение частных и интегральных, объединяющие группы частных показателей.

4. Комплексность. Комплексный охват параметров, характеризующих уровень цифровизации национальной экономики.

5. Сопоставимость. Отдельные частные и интегральные показатели должны быть сопоставимы применительно к различным странам.

6. Доступность. Возможность доступа к показателям, в официальных статистических базах данных и открытых публикациях.

7. Адаптивность. Возможность адаптировать систему показателей по мере развития статистических баз данных.

8. Динамичность. Возможность мониторинга динамики показателей на длительном отрезке времени.

Сформулированные характеристики позволяют определить практические требования к системе показателей:

Каждый из представленных индексов описывается математической моделью, содержащей эндогенные, промежуточные и экзогенные факторы. Агрегирование индексов происходит по соответствующим весам: так первая группа индикаторов агрегируется с весовым коэффициентом 0,2; вторая и третья группы — с коэффициентом 0,33. Затем определяются субиндексы по каждой из трех групп. После чего, первый и второй субиндексы агрегируются с весовым коэффициентом 0,4, третий — с 0,2 [6].

Так, например, рассматривая индикаторы группы «Доступ к ИКТ», учитываются следующие характеристики:

— удельный вес домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет;

— удельный вес домохозяйств, имеющих в наличии ПК;

— число абонентов мобильных систем связи на 100 человек;

— число линий телефонной связи с фиксированным доступом на 100 человек;

— пропускная способность интернет-каналов на одного пользователя.

Для индикаторов группы «Использование ИКТ» необходимо знать:

— удельный вес пользователей Интернета в общей численности населения;

— число пользователей широкополосного (мобильного) доступа на 100 чел.;

— число пользователей широкополосного (фиксированного) доступа на 100 чел.

Для индикаторов группы «Навыки в сфере ИКТ» следует вычислить:

— отношение студентов к общей численности населения;

— отношение школьников к общей численности населения;

— период средней продолжительности обучения[7].

Нормализация показателей, измеренных в разных шкалах, в этом, как и в большинстве других рейтингов, осуществляется по формуле, рекомендованной ОЭСР:

$$y(x) = \frac{x_i - x_{\min}}{x_{\max} - x_{\min}} \quad (1)$$

где x_i — значение i -го индикатора;

x_{\min} — минимальное значение индикатора;

x_{\max} — максимальное значение индикатора [8].

В соответствии с расчетами формируется ежегодный отчет, где содержатся и детальные профили стран. По каждому объекту дается характеристика экономического развития в части проникновения и использования ИКТ, а также рейтинги и обширная подборка статистических таблиц со всеми показателями, применяемыми для расчета исследуемого индекса.

Индекс развития электронного правительства (EGDI) рассчитывается Департаментом Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ ООН) [9]. Индекс развития электронного правительства EGDI отражает характеристики доступа к электронному правительству, главным образом технологическую инфраструктуру и уровень

образования, чтобы представить, как страна использует возможности ИКТ для национального, экономического, социального и культурного развития.

Индекс развития электронного правительства представляет собой средневзвешенное значение трех нормализованных субиндексов: «объем и качество онлайн-услуг», «развитие инфраструктуры ИКТ» и «человеческий капитал». Каждый из субиндексов является, в свою очередь, средневзвешенным значением его показателей [10].

Таким образом, в результате сравнительного анализа, можно прийти к выводу о том, что индексы WDCR, DEI, NRI и GCI объединяют в большей степени институциональные, экономические и технологические показатели, отражающие развитость нормативно-правовой и научно-исследовательской базы, использование ИКТ в бизнесе, информационную безопасность. Индексы DESI, e-Intensity, IDI, EGDI и EPART имеют более социальную направленность, отражают социально-экономическую интеграцию и предназначены для оценки уровня развития информационного общества. Эти индексы не являются экономико-технологическими, мало учитывают цифровизацию бизнеса и промышленности, развитость e-торговли и вклад цифровой экономики в ВВП. Их принципиальное отличие состоит в том, что они объединяют экономические и социальные показатели развития электронного общества и государства.

В настоящее время активное развитие бизнес-процессов в ЕАЭС, взаимодействие субъектов различных рынков и отраслей экономики между собой, с регуляторами, инвесторами и потребителями сдерживается отсутствием в государствах-членах эффективного сервиса, позволяющего предпринимателям находить партнеров по кооперации среди предприятий различных индустрий стран ЕАЭС с выходом на реальное деловое сотрудничество, проводить первоначальную идентификацию контрагентов с целью снижения кредитных и репутационных рисков, для предотвращения возможного мошенничества, а также добровольно размещать справочную информацию о своих компаниях с целью продвижения своих товаров и услуг на рынке и повышения доверия со стороны потенциальных контрагентов с целью создания репутации прозрачной и понятной компании.

Предполагается, что в рамках сотрудничества государств — партнеров по ЕАЭС будет создан Консорциум, координатором

которого будет являться АО «Интерфакс». На данном этапе партнерами по консорциуму являются РУП «Информационный центр Министерства экономики Республики Беларусь», Национальная палата предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» и общественный фонд «Интернет Инновации» (Кыргызская Республика). Целью проекта является создание цифрового сервиса «Надежный контрагент ЕАЭС» (далее — Сервис), состоящего из пяти национальных компонентов, способствующих встраиванию бизнеса, и прежде всего, компаний малого и среднего бизнеса, государств-членов ЕАЭС в единое евразийское цифровое пространство и обеспечения развития интеграционных процессов, укрепления экономического сотрудничества государств-членов ЕАЭС. Для реализации проекта будет использоваться созданная распределенная система, предоставляющая возможность поиска и проверки информации о хозяйствующих субъектах на базе интегрированной информации из государственных реестров, осуществляющих учет и регистрацию хозяйствующих субъектов государств — членов ЕАЭС [11].

Источниками информации о хозяйствующих субъектах государств — членов ЕАЭС для реализации Сервиса являются открытые данные государств-членов ЕАЭС, в том числе из:

- государственных информационных систем;
- национальных контрольно-надзорных органов;
- национальных регуляторов.

В результате мониторинга ключевых индикаторов развития цифровой экономики в ЕАЭС ожидаемыми результатами станут:

1. Сервис для первичной идентификации хозяйствующих субъектов, который будет использоваться при реализации других цифровых инициатив;
2. Упорядочивание имеющихся данных о хозяйствующих субъектах в государствах-членах ЕАЭС и обеспечение контрагентов достоверной юридически-значимой информацией;
3. Снижение уровня мошенничества при трансграничных торговых и финансовых сделках;
4. Устранение информационных барьеров при нахождении контрагентов;
5. Рост товарооборота между хозяйствующими субъектами государств-членов ЕАЭС;
6. Предотвращение заключения невыгодных сделок.

Список использованных источников:

1. Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс] // URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/27-08-2014-5.aspx> (дата обращения: 06.06.2021).
2. Благих И.А. Роль цифровых технологий в развитии евразийской интеграции // Проблемы современной экономики. — 2019. — № 3 (71). — С. 50–55.
3. Основные направления реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года утверждены на заседании Совета. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://d-russia.ru/osnovnye-napravleniya-realizatsii-tsifrovoj-povestki-eaes-do-2025-goda-utverzhdeny-na-zasedanii-soveta.html> (дата обращения: 25.05.2021).
4. Аверьянова О.В., Благих И.А. Влияние цифровой экономики на формирование социальных изменений в обществе // Проблемы современной экономики. — 2019. — № 2(70). — С. 44–48.
5. На пути к будущему 2035: занятость в цифровой экономике / The Boston Consulting Group // Чжэн Цин Тин [Электронный ресурс]. — Китай, 2017. — Режим доступа: http://epaper.21jingji.com/html/2017-01/12/content_54533.htm. (дата обращения: 18.11.2017).
6. Благих И.А., Титов В.О., Ващук А.Э. Роль информационных ресурсов в управлении бизнесом и обеспечение их надежной безопасности // Вестник ТИСБИ. — 2019. — №1. — С. 133–143.
7. Аверьянова О.В., Благих И.А., Рябухина А.А. Геймификация социально-экономических коммуникаций: новые вызовы // Проблемы современной экономики. — 2020. — №3(75). — С. 67–70.
8. Пахомов Ю. Цифровая экономика Российской Федерации: экономика без экономики. <https://www.itweek.ru/gover/article/detail.php?ID=195331> (дата обращения: 29.05.2021).
9. Благих И.А. Геймификация цифровой экономики: главные вызовы и варианты их решения. Сб. научных трудов Межвузовского научного семинара. — СПб.: Изд-во: Санкт-Петербургского горного ун-та, 2020. — С. 217–220.
10. Цифровая повестка и поддержка отраслей, обладающих максимальным интеграционным потенциалом: итоги Евразийского межправительственного совета / <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/7-03-2017-3.aspx> (дата обращения: 10.05.2021).
11. Аверьянова О.В., Благих И.А., Рябухина А.А. Перспективы развития национальной инновационной системы России в связи с социально-экономической динамикой // Проблемы современной экономики. — 2020. — №1(73). — С. 17–22.

ИНТЕГРАЦИЯ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНОВ В СИСТЕМУ МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ НА ОСНОВЕ КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

О.Н. Рожко,

доцент Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева — КАИ,
кандидат технических наук
oxana.rozhcko@yandex.ru

В статье определены условия необходимые для интенсификации процессов логистической интеграции российских регионов в систему мирохозяйственных связей, в рамках которых поставлен ряд взаимосвязанных долгосрочных и оперативных задач; предложены пути решения некоторых из них посредством применения инструментария коммуникационных технологий, реализуемых в среде единого информационного пространства.

Ключевые слова: мирохозяйственные связи, транспортно-логистическая инфраструктура, коммуникационные технологии.

УДК 339.9:332.1

Глобализация мирового экономического пространства неизбежный и необратимый процесс, при котором национальные экономики интегрируются в единый механизм системы мирохозяйственных связей в следствии интенсивного развития международного разделения труда, ведущего к интернационализации производства, распределения и потребления. В период глобализации внешнеэкономическая политика России направлена на совершенствование ее мирохозяйственных связей, установившихся, исходя из геополитических и геоэкономических соображений. При этом, регионы Российской Федерации выступают как элементы системы международных связей, реализация которых определяется международным и правовым полем, в рамках которого могут действовать региональные субъекты. Самостоятельная внешнеэкономическая деятельность регионов в ряде случаев может являться одним из основных факторов социально-экономического развития и конкурентоспособности их территорий, способствуя росту благосостояния и качества жизни населения [1]. Доминирующим условием интеграции региона в систему мирохозяйственных связей остается уровень развития его транспортно-логистической инфраструктуры. Его рост влечет оптимизацию совокупных логистических издержек, сопровождающих транспортные, складские, таможенные и другие товарообменные операции в международных цепях поставок, способствуя укреплению конкурентных позиций территорий в быстроизменяющейся внешнеэкономической среде.

Логистическая интеграция для российской экономики не только одна из актуальнейших, но и одна из наиболее сложных в решении задач. Согласно данным [2, 3], удельный вес транспортно-логистических услуг в издержках производства конкурентоспособной продукции Европейских производителей не превышает 7–8%. В то же время для отечественного бизнеса его показатель доходит до 20–25%, а при автотранспортных перевозках и организации поставок в труднодоступные регионы до 30–40%. Территориально-географическое положение страны, специфика пространственно-регионального распределения производственных сил и трудовых ресурсов усложняют задачу снижения транспортно-логистических издержек, вынуждая организовывать как внутренние, так и внешнеэкономические торговые и производственные цепи поставок на длинном транспортном «плече». Замедляет темпы логистической интеграции и физический, а зачастую и моральный, износ большей части путей наземного сообщения, их неразвитость в азиатском регионе страны, значительная удаленность основных экспортных производств от морских путей сообщения и мультимодальных портовых комплексов, а также недостаточно высокий уровень применения современных транспортных технологий, в частности контейнерных, что влечет сложности в организации цепей поставок. Согласно рейтингу Agility Emerging Markets Logistics Index (Логистический индекс развивающихся рынков), формирующемуся на основе мнения нескольких со-

тен крупнейших логистических компаний мира, в докризисном 2019 году Россия заняла 13 место [4], что свидетельствует о недостаточном использовании огромного логистического потенциала страны и ее регионов во внешнеэкономических интеграционных процессах. Однако сложная задача, не значит не решаемая.

Цифровизация всех сегментов как мирового, так и национального экономического рынка трансформирует процессы управления всеми экономическими системами. Наиболее широко новые парадигмы хозяйствования Четвертой промышленной революции — «Индустрия 4.0» уже сегодня внедряются в системы логистики и транспорта. Современные коммуникационные технологии позволяют не только повысить эффективность организации процессов управления разнородными логистическими системами, от национальной до региональных, снижая логистические издержки, но и рационально использовать инвестиционные капиталы государства и бизнеса в реализации инфраструктурных логистических проектов. В свою очередь, внедрение прогрессивных транспортных технологий, в частности, контейнерных мультимодальных, позволит более полно использовать преимущества территориально-географических особенностей страны, экспортируя транспортные услуги, в том числе транзитный потенциал, в систему международных транспортных коридоров.

Способность логистической системы выполнять свои функции определяется ее логистическим потенциалом, раскрывающим возможности системы оптимизировать материальные потоки, а также учитывающим эндогенные и экзогенные факторы ее развития. Анализ логистического потенциала российских регионов позволяет определить условия и общую тенденцию, необходимые для логистической интеграции национальной экономики в систему мирохозяйственных связей, которые могут быть структурированы в зависимости от сроков и уровня сложности решения поставленных прикладных задач (рис. 1).

Долгосрочные условия — материало- и трудоемкие, требующие высоких капитальных затрат, оперативные — менее затратные, не требующие значительных инвестиционных издержек, либо имеющие небольшой срок их окупаемости, либо, в принципе, на требующие финансовых вложений. Представленные условия логистической интеграции имеют тесную взаимосвязь, часть из них взаимозависимы, комплексная их реализация позволила бы государству занять лидирующие позиции на рынке мировых транспортно-логистических услуг, однако ввиду высокой затратности строительных проектов, каждая из задач может иметь индивидуальный подход к решению. Имеющийся на сегодня инструментарий цифрового управления комплексной средой современной клиентоориентированной экономики, оперативно отвечающей на изменение волатильности на рынке перевозочных услуг и потребностей клиентов, позволяет найти решения следующих из них:

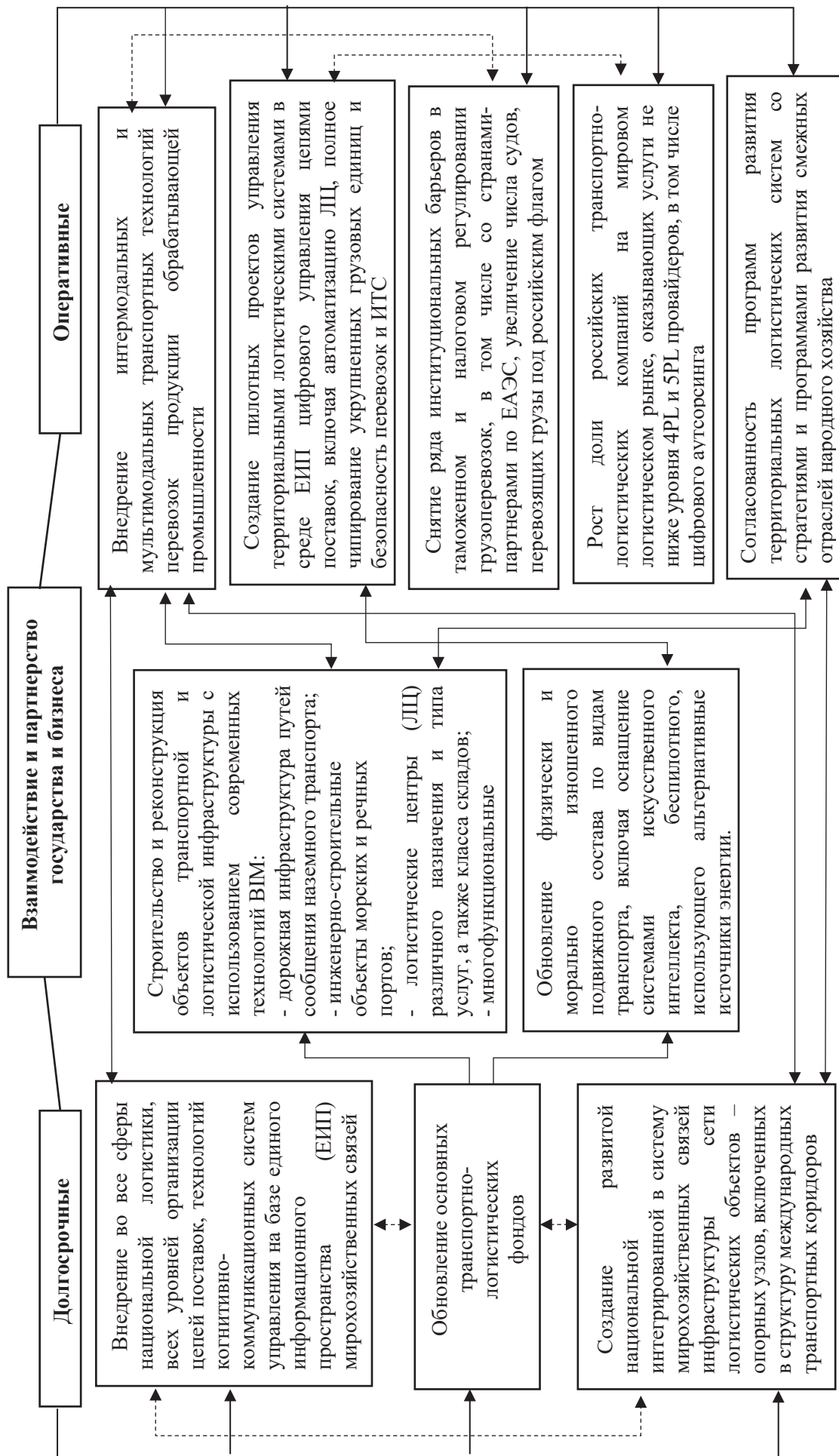

Рис. 1. Основные условия эффективной логистической интеграции национальной экономики в систему мирохозяйственных связей (составлено автором)

Когнитивные прикладные процессы управления региональной логистической системой

- прикладные процессы управления материальными потоками в цепях поставок с учетом загруженности сетей, логистических центров и терминалов;
- прикладные процессы управления логистическими инфраструктурными площадями;
- прикладные процессы управления транспортированием и взаимодействия с транспортными системами (по видам транспорта);
- прикладные процессы управления маршрутами с учетом динамики изменения информации;
- прикладные процессы контроля транспортировки;
- прикладные процессы управления безопасностью и логистическими рисками;
- прикладные процессы контроля сохранности груза;
- прикладные процессы финансового и юридического сопровождения

KaaS**Когнитивная подсистема**

- выработка принятия решения на основе сформированных знаний;
- контекстная обработка информации по запросу;
- решение задач за счет формирования и выдачи вектора управляющих воздействий изменения состояния исполнительных механизмов и устройств;
- планирование, расписание и согласованный режим работы системы;
- управление действиями исполнительных устройств.

Информационная подсистема

- подсистема получение данных от датчиков и сенсоров коммуникативной системы;
- подсистема хранения больших информационных баз данных;
- подсистема корреляции и структурирования больших баз данных;
- подсистема анализа входной информации (организация данных);
- подсистема формирование изображений передача и обработка видеосигналов инфообмена;
- подсистема семантической обработки информации (запоминание, кодирование, структура)

Коммуникационная подсистема

- подсистемы диалогового отклика средств спутниковой навигации и геолокации;
- электронные карты;
- подсистемы средств всех видов беспроводной связи;
- подсистемы средств передачи информации мониторинга подвижного состава;
- подсистемы средств передачи информации мониторинга путей сообщения;
- подсистемы средств передачи информации мониторинга груза.

Подсистема исходных данных ключевого доступа участников системы

- сети и базы доступа ИТС по видам транспорта, расположенные на подвижном составе;
- сенсорные идентификационные метки на контейнерах, таре и упаковке;
- сенсоры автоматизированных и роботизированных устройств, обслуживающих логистические операции на инфраструктурных объектах и ЛЦ;
- бортовые ИТС беспилотного транспорта (автомобили, дроны, локомотивы, катера и т.д.);
- автоматизированные системы мониторинга и видеофиксации путей сообщения;
- данные с персональных устройств по документальному сопровождению подвижного состава и доставляемого груза (включая сертификаты, страховки, разрешения и таможенное оформление), заверенные электронной подписью;
- данные с персональных устройств по финансовому, нормативному и юридическому сопровождению доставки, заверенные электронной подписью.

Рис. 2 Многоуровневая архитектура управления инфраструктурой региональной логистической системы и ее интеграции в когнитивной инфокоммуникационной среде ЕИП (составлено автором)

— организации пространственной кластерно-сетевой модели региональной логистической системы, горизонтально интегрированной в мирохозяйственные связи на основе технологий цифрового инструментария управления;

— формирования и оптимизации логистической объектной инфраструктуры территорий на условиях государственно-частного партнерства;

— цифрового реинжиниринга процессов управления в межрегиональных и международных цепях поставок при взаимодействии государства и бизнеса.

Интеграция региональной транспортно-логистической инфраструктуры в систему мирохозяйственных связей организуется и управляется цифровым инструментарием в среде единого информационного пространства (ЕИП), обеспечивающей планирование, управление, координацию и коммуникацию в режиме реального времени всех контрагентов логистических систем, формирующих мирохозяйственные связи. Воздействие субъектов на объекты управления на всех этапах организации логистических процессов реализуется инструментарием когнитивной информационно-коммуникационной ИТ-системы многоуровневой архитектуры (рис. 2). Сходные ИТ-системы применяются сегодня при проектировании и моделировании: искусственных нейронных сетей, самоорганизующихся ИТ-систем, искусственного интеллекта, организуемых и развивающихся под действием внутрисистемных связей, и механизмов адаптации к условиям окружающей среды. Архитектура когнитивной инфокоммуникационной системы может располагаться

на различных моделях облачных программно-вычислительных платформ. Выбрана наиболее универсальная для облачного инструментария платформа KaaS (Knowledge as a Service — знание как услуга), с учетом подтвержденного удачного опыта ее применения в архитектуре мультимодальных интеллектуальных транспортных систем (рис. 2) [5].

Единое информационное пространство, сформированное в рамках предлагаемого подхода, обеспечит повсеместный и удобный сетевой доступ по требованию к общему пулу аппаратно-программных ресурсов когнитивного домена цифрового управления, которые могут быть оперативно предоставлены при обращении к облачному серверу или рассредоточенной информационной базе блокчейн.

Реализация цифрового инструментария управления в среде ЕИП даст возможность свободного сотрудничества и совместного одновременного пользования ресурсами инфраструктуры логистической системы различным участникам регионального рынка, в том числе конкурирующим. Инновационной составляющей предлагаемой цифровизации механизма управления является возможность изменения дизайна региональных цепей поставок за счет преобразования их в разветвленную децентрализованную сеть на основе единого инфокоммуникационного управления, приводящего к сквозной оптимизации региональной логистической системы. Предлагаемая методология подразумевает долгосрочное сотрудничество предпринимательских и государственных структур на принципах паритетности их многостороннего партнерства

Список использованных источников:

1. Хмелева Г.А. Интеграция отдельных регионов в систему мирохозяйственных связей // Журнал экономической теории. — 2019. Т. 16. — № 4. — С. 746–757.
2. Распоряжение правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008 года № 1734-р «Об утверждении Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/94460/> (дата обращения 20.05.21)
3. Электронный коммерческий ресурс статистической и аналитической информации StatImEx.Ru. [Электронный ресурс] // URL: <https://statimex.ru> (дата обращения 30.05.21)
4. Электронный ресурс. Отчет Agility Emerging Markets Logistics Index // <https://logisticsinsights.agility.com/wp-content/uploads/2020/02/Agility-Emerging-Markets-Logistics-Index-2020.pdf> (дата обращения 21.05.21)
5. Рожко О.Н. Управление инфраструктурой логистической системы региона, интегрированной в единое информационное пространство / О.Н. Рожко // Проблемы современной экономики — 2020. — №2. — С. 148–153.

НООНОМИКА КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И ПРАКТИКИ

З.Р. Хабибуллина,

ведущий научный сотрудник Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте
ruzen7@mail.ru

Статья написана как попытка осмыслить современную модель евразийской интеграции в контексте происходящих в мире геополитических изменений с ориентацией на поиск новой стратегии долгосрочного развития регионально-го партнерства в формате Евразийского экономического союза. Аргументировано, что в качестве методологической платформы, на основе которой можно объяснить объективный тренд глобальной социально-экономической и технологической трансформации и переход к качественно новым формам общественных отношений, может выступить развиваемая профессором С.Д. Бодруновым концепция ноономики через новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2).

Ключевые слова: ЕАЭС, евразийская интеграция, новые глобальные вызовы, новые условия хозяйствования, ноономика, современная политическая экономия, созидание, творческий процесс.

УДК 339.924 ББК 65.01

Современная модель Евразийского экономического союза (ЕАЭС), сформировавшаяся на постсоветском пространстве как международная организация региональной экономической интеграции со свободным движением товаров, услуг, рынка труда и капитала, представляет собой многостороннее сотрудничество пяти государств-членов (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия) и трех государств-наблю-

дателей (Куба, Молдавия и Узбекистан), объединенных между собой одной общей целью. В качестве стратегической цели союза провозглашен курс на всестороннюю модернизацию, технологическую кооперацию и повышение конкурентоспособности национальных экономик (ст. 4 Договора о ЕАЭС) [1] в целях создания условий для качественного развития в интересах достижения высокого стандарта жизни населения.

Другими словами, во главу угла поставлена задача расширенного воспроизводства национального человеческого потенциала, основанного на критериях человеческой культуры и разума. Последнее должно способствовать формированию единого евразийского пространства как одного из наиболее значимых центров развития современного мира, способного отстаивать на международной арене национальные интересы, предупреждать и адекватно реагировать на внешние угрозы и вызовы, быть внутренне самодостаточной и конкурентоспособной международной организацией. В этом смысле можно говорить, что целеполагание союза не замыкается на чисто экономическом интересе, а идет дальше, закладывая основу и объективные предпосылки для добровольной межгосударственной солидарности (по типу договорного взаимодействия) стран-участниц на условиях взаимопереплетения (но не слияния!) хозяйственных связей.

Напомним, экономическая модель евразийской интеграции на постсоветском пространстве сформировалась во многом как защитная реакция на агрессивную внешнюю политику экономически развитых стран мира во главе с США, на рубеже XX-XXI вв., взявших курс на так называемую авторитарную глобализацию, где преобладающей особенностью такого тренда стал ее явно выраженный экспансионистский характер. Последнее, как известно, предполагает использование по отношению к периферийным государствам элементов жесткого подчинения и подавления основополагающих факторов национального суверенитета.

Лидеры стран Белоруссии, Казахстана и России первыми осознали потребность объединить усилия в деле сохранения национальной идентичности и территориальной целостности макрорегиона и выступили с инициативой о намерениях расширять многостороннее сотрудничество во имя достижения общих интересов. При этом считаем важным подчеркнуть, что подобный интеграционный процесс не означает движение в обратном направлении. Поэтому его нельзя расценивать как очередную попытку воссоздать на мировой арене новую империю (новую версию Российской империи или СССР). Интеграционная инициатива такого рода — это, прежде всего, понимание, что действовать сообща продуктивнее, чем поодиночке; осознание, что объединить усилия, не значит потерять свободу и поставить под сомнение собственную субъектность и экономическую безопасность, а двигаться вперед и преодолевать препятствия общими усилиями и согласованными действиями на условиях равноправия всех без исключения участников. Разобщенность национальных экономик должна быть преодолена взаимосвязанностью и паритетом. Возможность глубокого теоретического обсуждения перспектив развития такого евразийского проекта в формате ЕАЭС нам представляется чрезвычайно важной и своевременной.

Разработка такой стратегии требует системной, теоретически обоснованной и практически реализуемой концепции, способной адекватно объяснить суть происходящих в мире изменений. В этой связи, роль теоретической науки несомненна, поскольку именно она располагает мощным прогностическим потенциалом. В этом качестве экономическая наука призвана сосредоточиться не просто на описании форм различных функциональных связей в хозяйственной деятельности, а на понимании объективных оснований взаимосвязи экономических, геополитических, культурно-нравственных, социальных и хозяйственных отношений, происходящих в жизни.

В качестве целостной методологической платформы, на основе которой можно объяснить объективный тренд глобальной социально-экономической и технологической трансформации и переход к качественно новым формам общественных отношений, может выступить успешно развиваемая Президентом Вольного экономического общества (ВЭО) России, профессором С.Д. Бодруновым концепция ноономики через движение к новому индустриальному обществу второго поколения (НИО.2).

При этом, хотелось бы обратить внимание, что мы в никоим мере не игнорируем вклад ученых из других научных школ и направлений, наоборот, с большим уважением относимся к их научным разработкам. Речь идет об экономистах, которые

ведут активную исследовательскую деятельность в таких направлениях экономической мысли, как теория «неоиндустриализации» (С.Ю. Глазьев, Р.С. Гринберг, Е.Б. Ленчук, А.А. Пороховский, С.А. Толкачев и др.), «постсоветской школы критического марксизма» (А.В. Бузгалин, М.И. Воейков, А.И. Колганов, М.Ю. Павлов и др.), «неомарксистского синтеза» (Н.Ф. Газизуллин, А.И. Попов, В.Т. Рязанов, Д.Ю. Миропольский и др.). Среди западных авторов следует упомянуть экономистов, развивающих теоретические основы «третьей промышленной революции» (Р. Курцвейл, Дж. Рифкин), «четвертой промышленной революции» (Н. Дэвис, К. Шваб).

Нам видится, что теоретический потенциал ноономики позволяет спроектировать стратегический взгляд на будущее как на систему хозяйствования, где не просто развивается умное, знаниеинтенсивное производство, происходит качественная трансформация производственных отношений и социально-экономических институтов, но и реализуется принципиально новый формат общественной жизни. В этих условиях экономика начинает служить исключительно человеку и вообще, как таковая, сворачивается по мере перехода к безлюдному производству и созданию вещей вещами. Тем самым реализуется прогноз К. Маркса, где человек становится контролером и регулировщиком автоматизированной системы машин. Это общество, где человек живет потребностями нового порядка (в терминологии С.Д. Бодрунова — ноопотребностями).

Ноономика развивает идею преимущественно неэкономического способа удовлетворения человеческих потребностей, прогресса ноопроизводства (разумного хозяйствования) с опорой на NBICS-конвергенции, роста удельного веса высокотехнологичных знаниеемких отраслей материального производства и высококвалифицированного труда, диффузии собственности, социализации системы жизнеустройств, солидаризма и культурно-нравственного прогресса человека [1–5]. И надо признать, такого рода изменения в довольно отчетливой форме фиксируются на практике.

В частности, по пути социально-рыночного хозяйства сегодня развиваются целый ряд экономически развитых стран мира. Последнее предполагает сдвиг в сторону приоритета общественных интересов большинства над частным интересом меньшинства. Это называется социализацией экономики [17], которая невозможна без значительных вложений в социальную сферу — в науку, в образование, в охрану жизни и здоровья, в экологизацию, в рекреацию, в развитие технологий, в комфортизацию и гармонизацию общественной жизни. Запускаются процессы индикативного планирования и комплексного стратегического прогнозирования [9–10]. Параллельно происходит постепенное размывание прав собственности между широким кругом людей (шеринговые проекты в сфере транспорта, детских колясок, профессиональных строительных инструментов и оборудования и др.). Все большую популярность набирают волонтерство и фандрайзинг. Реализуются проекты по коливингу, клаудсорсингу, копилефту, коворкингу и др. [2, 6–7, 14]. В приоритете — любовь к окружающей среде, к бережливому использованию ресурсов [15, 18]. Приходит понимание о необходимости решать обострившиеся до предела социальные проблемы [16], искать способы и пути сокращения экономического неравенства [12], социальной несправедливости в обществе.

Евразийский блок в долгосрочной перспективе, как представляется, стремится развернуть стратегическую линию своего развития в этом направлении. Первые шаги на евразийском пространстве уже намечены. Доказательством тому служит утвержденная главами государств ЕАЭС 11 декабря 2020 года «Стратегия развития евразийской экономической интеграции» [13] — целеустановочный документ до 2025 года. По сути, это дорожная карта всех интеграционных процессов, призванная укрепить экономические и социокультурные связи государств-членов и обеспечить принципиально иное качество развития единого евразийского пространства [9, с. 11].

Здесь мы не будем подробно останавливаться на содержании самого документа. Он в свободном доступе присутствует в сети Интернет и каждый желающий может с ним ознакомиться. Единственное, на что хотелось бы обратить внимание, в до-

кументе заложены ключевые основы, призванные достроить единое евразийское экономическое поле, исходя из целей строительства ЕАЭС. Стоит также упомянуть о стремлении ЕАЭС интегрироваться в общемировую рыночную систему как один из его полноправных игроков. Заявленная Президентом России В.В. Путиным линия на формирование Большого евразийского партнерства (БЕП) — яркий тому пример. По сути, «речь идет о формировании сети партнерских отношений с третьими странами и региональными объединениями как в формате торговых соглашений, так и рамочных меморандумов о комплексном взаимодействии» [9, с. 14]. Уже имеются прямые отношения 1) с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии, в завершающей стадии формализация диалога с ШОС; 2) с Китаем в формате соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве в рамках китайской инициативы «Один пояс — один путь»; 3) с 10 июля текущего года вступает в силу Соглашение о свободной торговле с Сербией.

Как считает академик С.Ю. Глазьев, «создание БЕП как собственный центр силы может послужить основой формирования нового мирохозяйственного уклада, отличающегося от

нынешней системы либеральной глобализации Вашингтонского консенсуса восстановлением значения национального суверенитета и разнообразия национальных политик развития, полицентричностью, взаимовыгодностью международного экономического сотрудничества на принципах добровольности, равноправия, прозрачности, строго соблюдения норм международного права» [9, с. 13].

Таким образом, Декларация по многим пунктам переключается с логикой ноономики. Главное, чтобы Стратегия–2025 воплотилась в жизнь в виде реальных проектов, а не осталась очередной красивой декларацией о намерениях на бумаге. В этом процессе может стать полезной развиваемая С.Д. Бодруновым концепция ноономики как вероятная платформа для построения качественно нового мироустройства, символом и целью которого должен стать высокообразованный и гармонично развитый человек, а его творческая энергия — ключевой движущей силой и культурно-нравственной ценностью, потенциал которой логически и исторически позволяет воплотить в жизнь ноопроект как вершину качественно нового хозяйственного мироустройства.

Список использованных источников:

1. Бодрунов С.Д. Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм // Экономическое возрождение России. — 2021. — № 1 (67). — С. 5–14.
2. Бодрунов С.Д. На пути к ноономике: человек, технологии, общество // Мир перемен. — 2020. — № 2. — С. 24–39.
3. Бодрунов С.Д. Глобальные риски в пространстве пандемии: практика подтверждает теорию ноономики // Экономическое возрождение России. — 2020. — № 2 (64). — С. 4–14.
4. Бодрунов С.Д. Ноономика. — М.: Культурная революция, 2018.
5. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. — СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016.
6. Бузгалин А.В. Креативная революция трансформирует рынок и отношения собственности // Экономическое возрождение России. — 2021. — № 1 (67). С. 109–115.
7. Бузгалин А.В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. — 2018. — № 2. — С. 10–38.
8. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Теория планомерности и задачи развития селективного планирования в рыночной экономике // Вопросы политической экономии. — 2016. — № 1. — С. 21–43.
9. Глазьев С.Ю. ЕАЭС: от политики status quo к сценарию «Собственный центр силы» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2021. — № 1. Т.15. — С. 11–14.
10. Глазьев С.Ю. Великая цифровая революция: вызовы и перспективы для экономики XXI века. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://glazev.ru/articles/6-jekonomika/54923-velikaja-tsifrovaja-revoljutsija-vyzovy-i-perspektivy-dlja-jekonomiki-i-veka>
11. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.04.2014 (ред. от 01.10.2019). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/
12. Евразийская политическая экономия: учебник / Под ред. И.А. Максимцева, Д.Ю. Миропольского, Л.С. Тарасевича. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016.
13. О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года от 11.12.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/scd_12012021_12
14. Павлов М.Ю. О методологических аспектах определения «креативного класса» на основе содержания труда // Философия хозяйства. — 2021. — № 3 (135). — С. 65–73.
15. Рифкин Дж. Третья промышленная революция. Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом / пер. с англ. В. Ионов. — М.: Альпина нон-фикшн, 2014.
16. Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. — М.: Экономика, 2016.
17. Шваб К., Дэвис Н. Технологии четвертой промышленной революции. — М.: Бомбора, 2018.
18. Rifkin J. The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era. NY: G.P. Putnam's Sons, 1996.